

Пытки - глазами людей, их пережившими

Юриада

Сначала хотелось отомстить за несправедливость, потом я устала ее добиваться, затем познакомилась с правозащитниками и поняла, что важно бороться не ради мести, а чтобы помочь людям в схожих ситуациях – стр. **16**

Добиваться, добиваться, добиваться!..

В участке было много сотрудников милиции. На самом деле виноваты они все, а не только тот, кто меня избивал. Все видели, все знали, слышали, что происходит, но никто мне не помог – стр. **22**

Армейский магазин

«Майор-работорговец», «Призыв в неволю», «Работорговля в армии» - такими заголовками пестрела региональная и центральная пресса весной 2009-го. Новость о том, что заместитель командира воинской части за мзду раздает солдат-срочников местным бизнесменам, никого не поразила. Удивило то, что дело дошло до суда – стр. **34**

СОБЫТИЯ

Хроника **3**

Международный день Организации Объединенных Наций в поддержку жертв пыток **8**

Послание Генерального секретаря ООН Пан Ги Мун а по случаю Международного дня в поддержку жертв пыток **10**

ЭКСПЕРТИЗА

Правозащитные конструкторы «Лего» **11**

Асмик Новикова

Истории работы НПО с полицией и самих инициатив НПО в других странах **15**

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Юрида **16**

«Не только ради себя и своего сына» **17**

Незаконное задержание **19**

«У меня поменялось отношение к государству» **20**

Добиваться, добиваться, добиваться!.. **22**

«Люди отстаивают не только свои собственные права, они заступаются за других людей» **24**

О проблеме пыток в российской милиции говорят люди, которые пережили пытки и жестокое обращение **26**

ДЕЛА

Обычное милицейское убийство? **29**

Зоя Светова

Нет кошелька – отправляйся в «обезьянник» **31**

Александр Шварев

Армейский магазин **34**

Рената Пеннер

«Ты попал не в милицию...» **37**

Максим Бондарь

Информационно-аналитический бюллетень
Фонда «Общественный вердикт»
Издается с 2004 г.

Подписано к печати 26.12.2008
Формат 210 x 297. Печать офсетная
Тираж 20 экземпляров.
Отпечатано в типографии
"Авангард", Москва, ул. Новокузнецкая,
д. 1 офис 35, тел.: 223-86-09

Ответственный редактор: Асмик Новикова
Редакционный совет: Наталья Таубина,
Олег Новиков, Анна Керова, Елена Копылова
Корректор: Галина Година
Авторы: Максим Бондарь, Дарья Кутузова, Асмик
Новикова, Рената Пеннер, Зоя Светова, Александр
Шварев
Макет и дизайн: Сергей Егоров, Марат Зинуллин
Обложка, верстка: Андрей Бутов
Фото: Светлана Марусеева

Бюллетень выходит при поддержке Института «Открытое общество» – Фонд содействия,
Фонда Макаруров и Норвежского Хельсинкского комитета

ХРОНИКА

Хроника:
первая половина 2009 года**Юбилей правозащитного фонда**

16 февраля Фонду «Общественный вердикт» исполнилось пять лет. Сегодня Фонд - это правозащитная организация, которая работает в Центральной России - Москве, Рязанской, Пензенской, Московской, Тверской и других областях; в северной части страны - в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в Республике Коми, Псковской и других областях; на Дальнем Востоке - в Приморье, Хабаровском крае, Камчатской области; на юге страны - в Краснодарском и Ставропольском краях, в республиках Северного Кавказа; в Сибири - в Республике Хакасия, в Кемеровской,

Читинской и других областях; на Урале. За пять лет принято к производству более 300 дел, связанных с незаконными действиями сотрудников правоохранительных органов. В результате работы Фонда и региональных партнеров 78 недобросовестных сотрудников милиции были осуждены и приговорены к различным срокам лишения свободы (49 - к реальным срокам, 29 - условно). В счет возмещения морального и материального вреда, причиненного представителями государства, в пользу потерпевших было взыскано более 10 миллионов рублей.

По результатам последнего по времени всероссийского социологическо-

го опроса, разработанного Фондом и проведенного совместно с Аналитическим Центром Юрия Левады, о работе Фонда «Общественный вердикт» знают 10 % граждан, что в масштабах России является значительным показателем.

Стратегическими целями Фонда остаются формирование в российском обществе атмосферы нетерпимости к любым формам произвола, установление гражданского контроля за деятельностью правоохранительных органов и содействие в реформировании правоохранительной системы на принципах уважения прав человека.

Россияне дезориентированы в том, как работает правоохранительная система

В середине февраля журналистам и общественности были представлены результаты нового социологического исследования - «Информированность российских граждан о деятельности правоохранительных органов». Это исследование продолжает программу социологических исследований общественного мнения, которая реализуется в Фонде с начала его работы совместно с Аналитическим центром Юрия Левады. Основным результатом этого опроса: россияне плохо ориентируются в структуре правоохранительных органов. Правоохранительные органы для большинства населения – это, прежде всего, милиция (75%) и суды (40%). Меньше всего россияне информированы о задачах миграционной службы, Конституционного суда и Следственного комитета при Прокуратуре. Самая низкая информированность граждан наблюдается в отношении Следственного комитета при Прокуратуре. Еще одним важным выводом исследования является тот факт, что именно на милициские подразделения граждане возлагают решение задач, за которыми стоят социальные и плохо разрешимые проблемы населения, а не только правоохранительные.

Для граждан милиция в целом продолжает оставаться наиболее социаль-

но близким институтом по обеспечению безопасности в обществе. Как следует из результатов опроса, в ситуации, когда нарушаются права граждан, чаще всего потерпевшие обращаются в милицию (52%). При этом основная часть нарушений прав или конфликтных ситуаций связана, прежде всего, именно с милицией.

Среди тех, кто называл милицию или органы МВД в качестве нарушителей своих прав, количество обратившихся и не обратившихся в какие-либо инстанции за защитой распределилось почти поровну: 55% обращались, а 45% не обращались. Кроме милиции обращаются в суд (30%), а также в прокуратуру (26%). Каждый десятый из пострадавших обращался в правозащитную организацию.

Приговоры и компенсации. Некоторые из наиболее значимых результатов работы Фонда и партнеров в регионах страны

В марте было прекращено уголовное преследование в отношении сотрудника милиции, инспектора ГИБДД (УВД Твери) Михаила Залетина. Залетин обвинялся в вымогательстве взятки. Он был заключен под стражу и скончался во время предварительного следствия в следственном изоляторе, не получив необходимой медицинской помощи. Залетин страдал тяжелой формой сахарного диабета.

За матерью погибшего признано право на реабилитацию. Исковое заявление Светланы Залетиной о компенсации морального вреда находится на рассмотрении в суде. Фонд оказывает правовую и информационную поддержку Светлане Залетиной с 2004 года.

Жалоба Валентины Кузьминой будет рассмотрена Европейским судом по правам человека в приоритетном порядке. Жалоба была подана в связи с неэффективностью расследования уголовного дела. Кирилл Щ., сын Кузьминой, погиб в результате действий сотрудников правоохранительных органов. Милиционеры незаконно проникли в квартиру и неправомерно применили к нему спецсредства (резиновые дубинки). Уголовное дело в отношении милиционеров многократно прекращалось следственными органами.

Интересы потерпевшей на национальном уровне представляет юрист Фонда «Общественный вердикт». В ходе предварительного следствия Фондом, а также Кузьминой неоднократно заявлялись ходатайства о проведении комплексной медицинской судебной экспертизы, чтобы установить причины смерти сына потерпевшей. Выводы двух проведенных ранее экспертиз противоречили друг другу. Вторая по времени экспертиза была проведена без привлечения врача-нейрохирурга и с рядом грубых нарушений, в том числе УПК РФ. В заключении экспертов отсутствовали

ответы на ряд вопросов, поставленных перед ними следователем.

Следственные органы необоснованно отказали в удовлетворении ходатайств Фонда и потерпевшей, а 24 апреля уголовное дело было в очередной раз прекращено. В связи с этим Фонд направил жалобу на имя председателя Следственного комитета при Прокуратуре РФ. На момент подготовки этого выпуска бюллетеня ответа из Следственного комитета получено не было.

В апреле вступил в законную силу приговор майору Вооруженных сил России Геннадию Прохорову, который за денежное вознаграждение передал солдата-срочника знакомому предпринимателю по фамилии Лаптев. Решением суда Прохоров приговорен к одному году лишения свободы в колонии-поселении.

Практика по подобным делам показывает, что, как правило, даже если подобное дело и доходит до суда, то приговор должностному лицу редко бывает связан с лишением свободы. Чаще всего суд приговаривает подсудимого к штрафу. Таким образом, решение суда является прецедентным, и, возможно, оно повлияет на уменьшение числа аналогичных преступлений в армии.

Привлечь к уголовной ответственности заместителя командира войсковой части Хабаровского гарнизона удалось благодаря совместной работе Хабаровского комитета солдатских матерей, Хабаровского краевого правозащитного центра и Фонда «Общественный вердикт».

Следствие установило, что новобранец Александр Зиборов вместо

выполнения армейских обязанностей несколько месяцев выполнял хозяйственные работы в доме Лаптева. В отношении Лаптева возбуждено уголовное дело.

В июне Абаканский городской суд присудил 500 тысяч рублей компенсации морального вреда Юрию Шамалю и Андрею Кобякову, которые были избиты участковым уполномоченным Максимом Куликовым.

Выплата компенсации будет произведена из казны Хакасии. Интересы потерпевших представляли адвокат Эрнест Пружинин и региональный координатор Фонда «Общественный вердикт» по Хакасии Амир Чебодаев.

В пяти регионах Сибири стартовал новый правозащитный проект

В апреле Южно-Сибирский правозащитный центр (Новокузнецк) при участии Фонда «Общественный вердикт» и при поддержке Представительства Еврокомиссии в России представили межрегиональный проект по предотвращению произвольных практик в работе силовых ведомств.

Проект будет реализовываться в пяти регионах Сибири - Кемеровской, Новосибирской и Томской областях, Красноярском крае и Республике Хакасия. На презентацию были приглашены представители прокуратуры, ГУВД, УФСИН, УФСБ России по Кемеровской области, администрации города Новокузнецка и представители СМИ.

От деклараций об «общих ценностях» к практическому сотрудничеству России и ЕС в области прав человека

25-26 мая в Брюсселе директор Фонда «Общественный вердикт» Наталья Таубина в числе группы российских правозащитников приняла участие в консультациях с представителями Европейского Союза по правам человека. Подобные встречи проходят уже пятый год.

Представители российских НПО констатировали, что за год президентства Дмитрия Медведева, несмотря на его заявления о важности свободы и необходимости судебной реформы, положение с правами человека в России не улучшилось.

Одна из основных рекомендаций представителей российского гражданского общества европейским партнерам – изменить сами рамки отношений между ЕС и Россией. Необходимо резко поднять роль верховенства права, прав человека и демократических институтов в повестке дня межгосударственных отношений. Необходимо придать им такой же важный статус, как и проблемам безопасности, экономики, энергетики, миграции и борьбы с терроризмом.

Представители российского гражданского общества подчеркивали, что разговор о правах человека должен быть переведен из плоскости деклараций об «общих ценностях» в плоскость системного диалога и практического сотрудничества между двумя сторонами.

Системный кризис в МВД. Эксперты ищут пути выхода

В феврале и июне 2009 года в Москве прошли круглые столы, организованные Фондом «Общественный вердикт» и Представительством «Amnesty International» в России. Целью этих мероприятий стала разработка стратегии для работы с правоохранительными органами. В мероприятии приняли участие эксперты правозащитных организаций из разных регионов страны. Среди них: Коми правозащитная комиссия «Мемориал» (Республика Коми), Республиканская общественная организация «Человек и Закон» (Республика Марий

Эл), Союз «Женщины Дона» (Ростовская область), Красноярский комитет по защите прав человека, Пермский центр гражданского образования, и другие. Февральский круглый стол прошел с участием специалистов из Голландии, в частности, международно признанного эксперта по современным правоохранительным органам Аннеке Оссе, работающей для голландской секции «Международной Амнистии». Опыт и знания голландских экспертов были очень полезны российским участникам для разработки стратегии.

Правозащитники обсудили возможные подходы к работе с правоохранительными органами, способы изменения ситуации, оценили свои возможности и ограничения и пр. Кроме того, были обсуждены последние изменения в структуре МВД. Участники обсудили комплексный проект «Милиция России – от силы к службе», разработанный специалистами РОО «Человек и закон» при содействии коллег из других организаций, а также проекты, посвященные изменению принципов оценки работы МВД, организации и проведению публичных дебатов о принципах работы органов внутренних дел, модернизации образовательного процесса в системе МВД.

Правоохранительные органы vs. граждане. Пытки, жестокое обращение, неисполнение решений суда, неэффективное расследование

За шесть месяцев 2009 года юристы правового отдела Фонда рассмотрели 53 обращения граждан, дали консультации и разъяснения. От имени «Обще-

ственного вердикта» были направлены обращения в официальные органы.

С начала года Фонд принял в производство и активно работал по 22 новым делам граждан, чьи права были нарушены сотрудниками правоохранительных органов. Подавляющее большинство дел – это дела о пытках и жестокое обращении.

По принятым к производству делам активно работают сотрудники правового отдела Фонда, представляя интересы пострадавших, оказывая консультационную поддержку и помощь в организации независимых экспертиз. По этим делам было подготовлено порядка 20 обращений на имя Генерального прокурора России и Председателя Следственного комитета при Прокуратуре России.

Наиболее частыми нарушениями со стороны следственных органов, выявленных при проведении доследственной проверки, остаются незаконные отказы в возбуждении уголовного дела, неэффективное расследование, неисполнение решений суда, нарушение сроков и порядка рассмотрения жалоб.

Программа психологического и психосоциального сопровождения людей, переживших пытки

Фонд продолжает развивать программу психологической поддержки людей, переживших пытки и жестокое обращение, за счет, в частности, расширения сети психологов, владеющих современными и зарекомендовавшими себя методиками работы. За истекший период в рамках программы Фонда удалось обучить четырех психологов работе с пострадавшими в рамках нарративного подхода, предлагающего такую форму сбора свидетельств-историй, которая не вызывает повторной травматизации. Психологи были обучены техникам составления письменных свидетельств и документов, которые отражают «описание происшедшего с обеих сторон», т.е. это не только истории о страданиях, но и истории о выживании.

Психологи Фонда работали в Новокузнецке, Сыктывкаре и Красноярске, где они беседовали с пострадавшими и собрали 14 историй. Пострадавшие были заинтересованы в том, чтобы их истории стали известны и оказались полезными другим людям.

Кроме этого психологи на местах (в Москве и Московской области, в Новокузнецке и Красноярске) проводили реабилитационную работу с пострадавшими. Сейчас не менее 8 пострадавших вместе с семьями посещают психологов. Пострадавшие и их родственники говорят о том, что в их жизни после работы с психологами стало больше собранности, готовности что-то делать, чтобы восстановиться после травмы и унижения, отстаивать свои права; меньше стало тревоги, подавленности, неопределенности. Многие говорят о том, как важно иметь возможность выговориться в присутствии внимательного, сочувствующего, не осуждающего слушателя, который помогает взглянуть на себя с иной стороны, увидеть свои сильные стороны и умения.

Существенная часть психологической работы связана с проблемой профессионального «выгорания» правозащитников. Этому уделяется отдельное внимание, в истекший период психологи проводили работу с правозащитниками, собирали их истории.

Истории пострадавших постепенно собираются в специальном разделе на сайте Фонда «Общественный вердикт».

В последние годы слова «пытки», «жестокое обращение», «насилие» со стороны сотрудников правоохранительной системы стали все чаще появляться в российском информационном пространстве и сегодня, к сожалению, уже прочно вошли в обиход. Правозащитные организации в разных регионах нашей страны регулярно получают обращения от жертв насилия со стороны людей в погоне, содержащие просьбы о помощи в восстановлении нарушенных прав. Вот пример из одного - вполне типичного - обращения в Фонд «Общественный вердикт»: «Утром сотрудники К-го ОВД ворвались в квартиру, где я находился, и без всяких объяснений вытащили меня из квартиры, бросили в машину и доставили в отделение милиции, где принуждали меня взять на себя вину в преступлении, которого я не совершал. После моего категорического отказа взять на себя вину... один из сотрудников задал мне вопрос: «Ты знаешь, куда ты попал?». Я объяснил, что прекрасно понимаю, что нахожусь в К-ом отделении милиции. Тогда он ответил, что я попал в К-ое гестапо, после чего достал из-за стола бейсбольную битку и начал с остервенением меня избивать этой битой». Результат пребывания в отделении милиции для этого человека такой: закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, перелом нижних ветвей челюсти, сильный ушиб грудной клетки и локтевого сустава, множественные гематомы спины. История произошла в ноябре 2007 года, с тех пор пострадавший пытается привлечь к ответу пытавших его сотрудников отделения милиции. В этом номере бюллетеня мы рассказываем об этом случае в разделе «Дела».

Работая по таким делам, помогая людям в отстаивании своих прав сначала в следственных органах, а потом и в суде, мы видим, насколько это сложно по многим позициям - и физически, и морально, и духовно, и профессионально. Мы видим, через какие глухие стены порой приходится пробиваться пострадавшим. Мы видим, сколько мужества и терпения им нужно, чтобы не опустили руки, чтобы хватило сил продолжать

бороться за справедливость в отношении себя или покалеченного - а в ряде случаев и убитого - близкого человека. Каждый такой случай - это не только история долгой борьбы за свои права, за справедливость, но и история внутреннего преодоления.

Нам кажется крайне важным, чтобы эти истории были услышаны. Нам кажется крайне важным, чтобы о проблеме пыток говорили не только юристы и эксперты, но и те, кто их пережил. Мы убеждены, что голоса переживших эти тягчайшие преступления, которые Римским статутом Международного уголовного суда отнесены к преступлениям против человечности, должны звучать наравне с голосами профессионалов.

Именно поэтому мы, посвящая этот выпуск нашего информационно-аналитического бюллетеня проблеме пыток и жестокого обращения, решили включить в него как можно больше материалов и мнений тех, кто пережил это насилие. Большая часть материалов говорит о пытках словами тех, кто их пережил.

Выпуск также содержит уже ставшие традиционными хронику, разделы «Дела» и «Экспертиза», а также справочный материал об истории Международного дня в защиту жертв пыток. Международное сообщество утвердило за таковой день 26 июня - именно в этот день в 1987 году вступила в силу Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Это принципиальный документ, создающий основную международную рамку борьбы с пытками в странах мира. И цели, которые ставит перед собой международное сообщество, бескомпромиссны. Пытки должны быть не просто сведены к минимуму, а полностью искоренены. Понимая всю сложность достижения этой цели, Фонд «Общественный вердикт» и многие российские правозащитные организации такую цель перед собой ставят.

Наталья Таубина,
директор Фонда «Общественный
вердикт»

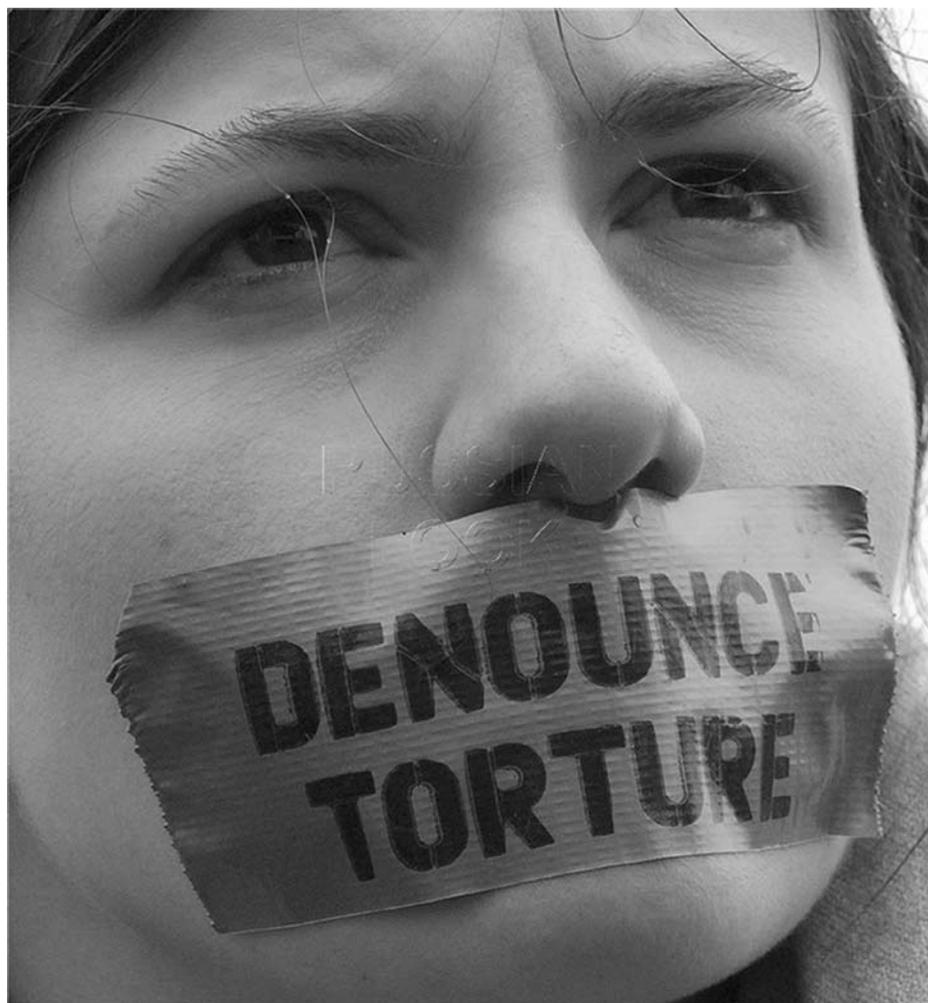
Международный день Организации Объединенных Наций в поддержку жертв пыток

Представительство Amnesty International в Российской Федерации

В 1997 году по рекомендации Экономического и Социального Совета Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 26 июня Международным днем Организации Объединенных Наций в поддержку жертв пыток. Десятью годами ранее в этот день – 26 июня 1987 года - вступила в силу Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая и открытая для подписания и ратификации 10 декабря 1984 года.

К настоящему моменту Конвенцию ратифицировали большинство стран мира: по состоянию на 2009 год в ней участвуют 146 государств. Еще 76 стран Конвенцию подписали. Принятие Конвенции, которой предшествовала длительная работа Amnesty International и других правозащитных организаций, способствовало заключению международных договоров, запрещающих пытки. Кроме того, Римский статут Международного уголовного суда отнес пытки в разряд военных преступлений и преступлений против человечности.

Комитет против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, созданный в соответствии со статьей 17 Конвенции и приступивший к работе 1 января 1988 года, регулярно рассматривает отчеты государств-участников о выполнении Конвенции, делая выводы и давая рекомендации странам по вопросам предотвращения пыток и наказания за их применение, а также обеспечения возмещения жертвам пыток. Кроме того, Комитет рассматривает индивидуальные жалобы на применение пыток. В 2007 году Комитет опубликовал Замечание общего порядка к статье 2 Конвенции,

в котором, в частности, потребовал от государств-участников «принять меры, направленные на упрочение запрета пыток посредством законодательных, административных, судебных и иных актов, которые в конечном итоге должны привести к окончательному их искоренению». Статья 2 также запрещает

оправдание пыток, независимо от обстоятельств их применения. Комитет отметил, что он «глубоко обеспокоен попытками государств оправдать применение пыток и жестокое обращение как средство охраны общественной безопасности и предотвращения чрезвычайных ситуаций при этих и иных

обстоятельствах. Комитет также отвергает любые ссылки на религию и обычаи, приводимые в оправдание нарушения полного запрета подобных действий». Далее Комитет заявляет, что «амнистии и другие препоны, которые препятствуют или свидетельствуют о нежелании незамедлительно привлечь к справедливому суду и наказать виновных в применении пыток и жестоком обращении, нарушают принцип неукоснительности».

22 июня 2006 года вступил в силу Факультативный протокол к Конвенции, принятый 18 декабря 2002 года. К настоящему времени Протокол подписали 63 государства, и еще 47 стран ратифицировали или присоединились к нему. Протокол предусматривает регулярные посещения мест заключения на территориях государств-участников независимыми международными экспертами, а также предписывает государствам-участникам создать национальный надзорный механизм для инспектирования мест заключения, а также сотрудничать с международными экспертами. В 2007 году состоялись первые посещения государств-участников представителями Подкомитета ООН по предотвращению пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Подкомитет представил свой первый ежегодный доклад Комитету ООН против пыток.

Кроме того, Организация Объединенных Наций назначила Специального докладчика по проблеме пыток, в чьи обязанности входит рассмотрение сообщений о пытках и разработка соответствующих рекомендаций всем государствам, независимо от того, являются ли они участниками Конвенции или нет. Недавно Совет по правам человека с удовлетворением воспринял последний доклад и рекомендации Специального докладчика по проблеме пыток и продлил его мандат на следующие три года.

К сожалению, с 2000 года не может состояться визит Специального докладчика ООН по проблеме пыток в Российскую Федерацию. Визит Специального докладчика в страну был намечен, в частности, на октябрь 2006 года, но незадолго до запланированной даты был отложен, поскольку российские власти не согласились с кругом его полномочий, «особенно в части посещения без уведомления и конфиденциальных бесед с задержанными»¹. Кроме того, Россия до сих пор не ратифицировала и не подписала Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других

жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Российская Федерация также является единственной страной, входящей в Совет Европы, в которой действует запрет на публикацию докладов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП).

Данный орган, Секретариат которого является составной частью Генерального директората по правам человека Совета Европы, был учрежден Европейской конвенцией по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Конвенция, принятая 26 ноября 1987 года в Страсбурге, вступившая в силу 1 февраля 1989 года и затем измененная и дополненная 4 ноября 1993 года Протоколами 1 и 2, была создана во исполнение положений статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод о запрете пыток. Работа Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, основанная на системе посещения членами Комитета мест, где содержатся лица, лишены свободы государственной властью, а также доклады о фактах, установленных во время посещения подобных мест, является, несомненно, важным превентивным механизмом защиты заключенных.

Борьба за избавление мира от пыток и жестокого обращения сопряжена с серьезными проблемами. К числу таких проблем, прежде всего, относится непрекращающееся во многих странах применение пыток в отношении задержанных, заключенных и иных лиц. Во всем мире в полицейских участках, гражданских и военных тюрьмах,

а также в следственных изоляторах и иных местах должностные лица либо злоупотребляют своей неограниченной властью над беззащитными людьми, лишеными свободы, причиняя им боль, либо позволяют другим безнаказанно причинять боль в подобных обстоятельствах.

Борьба за соблюдение полного запрета пыток и жестокого обращения по-прежнему наталкивается на сопротивление государств, групп и даже ученых, которые пытаются обойти его вопреки имеющимся доказательствам, утверждая, что запрет не является абсолютным и не распространяется на жестокое обращение и что вполне возможно примирить полный запрет с безнаказанностью виновников пыток. Тем не менее 12 июня 2008 года Совет по правам человека при Генеральной Ассамблее ООН безоговорочно отверг подобные доводы, осудив «любые формы пыток, а также жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые есть и будут запрещены во все времена, где бы то ни было и, следовательно, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах». Совет призвал правительства всех стран «безоговорочно соблюдать полный запрет применения пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания».

¹ «Special Rapporteur on Torture Regrets Postponement of Visit to Russian Federation», 04.10.2006
<<http://www.unhcr.ch/hurricane/hurricane.nsf/view01/4FBC8B4AABF40CDFC12571FD003E28AB?opendocument>>

Послание Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна по случаю Международного дня в поддержку жертв пыток

26 июня 2009 года

Несмотря на наличие солидной нормативно-правовой базы в области предотвращения пыток, случаи применения пыток довольно часто игнорируются государствами, а то и непосредственно совершаются во многих странах в условиях безнаказанности виновных. Международный день в поддержку жертв пыток дает нам еще один повод для подтверждения права всех мужчин и женщин жить, не подвергаясь опасности применения пыток. Применению пыток или любых других видов жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания не может быть оправдания ни в каком обществе, ни в какие времена и ни при каких обстоятельствах.

Я настоятельно призываю все государства - члены Организации Объединенных Наций, которые еще не сделали этого, ратифицировать и добросовестно соблюдать нормы Конвенции против пыток и положения Факультативного протокола к ней. Я также обращаюсь ко всем государствам-членам с призывом предложить Специальному докладчику по вопросу о пытках посетить места, где содержатся лица, лишённые свободы в своей стране, и оказать содействие в обеспечении полного и беспрепятственного доступа.

Проведение Международного дня дает также возможность выразить солидарность с жертвами пыток и их семьями и вновь заявить о том, что все правительства должны взять на себя обязательство гарантировать для всех жертв таких нарушений полную компенсацию и реабилитацию. Фонд добровольных взносов Организации Объединенных Наций для жертв пыток оказывает поддержку

организациям, предоставляющим помощь жертвам пыток и их семьям. Мне хотелось бы поблагодарить всех доноров Фонда за их взносы и призвать их к дальнейшему оказанию поддержки его важной деятельности.

По случаю проведения в этом году Международного дня в поддержку

жертв пыток мы должны вновь подтвердить неотъемлемые права всех мужчин и женщин и защитить их достоинство. Нам надо активнее наращивать борьбу против применения пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, где бы они ни проявлялись.

Правозащитные конструкторы «Лего» (От разнообразия мнений к разнообразию возможностей и консолидации усилий)

Асмик Новикова

По инициативе Фонда «Общественный вердикт» и Представительства Amnesty International в России была сформирована рабочая группа, куда вошли эксперты правозащитных НПО, специализирующиеся по теме «Современные правоохранительные органы в России». Рабочая группа была создана для разработки и воплощения на практике мер по реформированию правоохранительных органов.

Хотелось бы подчеркнуть, что идея такой рабочей группы заключается не только в том, чтобы совместно обсудить наиболее острые проблемы и наметить способы их решения. Основная задача принципиально другая: объединить экспертные ресурсы и усилия правозащитников для разработки мер по реформированию правоохранительных органов, а в дальнейшем - для согласованной и совместной реализации этих мер на практике.

Тема реформы милиции (понятно, что речь идет, в первую очередь, о реформе милиции) - это задача, которая требует участия очень многих «действующих лиц». В конечном итоге окончательные решения зависят от властей, так как принятие решений - их прерогатива. Но сама

разработка этих решений и процесс их принятия – этапы, на которых участие НПО и граждан, с нашей точки зрения, не просто возможно, но необходимо.

Аргументы, объясняющие столь уверенные утверждения, предсказуемы. Особенно для тех, кто своей повседневной деятельностью восполняет недоработки правоохранительной системы. А это – большая

часть правозащитных организаций, которая оказывает правовую помощь людям, пережившим пытки и жестокое обращение в милиции¹. Так происходит, потому что, добиваясь от правоохранительных органов возбуждения уголовных дел в отношении сотрудников, допустив-

¹ В такие организации обращаются пострадавшие не только от пыток, но и от других незаконных действий со стороны милиционеров, хотя, конечно, большинство дел в НПО касаются пыток.

ших недозволённые методы работы, правозащитники проводят, по сути, следственные действия, замечая своей работой ту, которую должны были бы вести правоохранительные органы.

Такое замещение отсутствующей работы официальных органов больше известно как «общественные расследования» - модель работы правозащитных организаций, разработанная и предложенная Межрегиональным Комитетом против пыток (Нижний Новгород).

Правозащитники, работая по методике общественных расследований, становятся носителями - без преувеличения - результатов уникальной экспертизы, в частности, знаний о том, как на практике осуществляется не только расследование случаев, но и того, почему пытки становятся возможными именно в контексте каждодневной работы органов внутренних дел. Такая экспертиза - именно та информационная основа, которая необходима для разработки мер по исправлению ситуации, которые, как стоит ожидать, реализуемы на практике.

Кроме того, что профильные НПО (т.е. те, которые оказывают правовую помощь людям, пострадавшим от незаконных действий правоохранительных органов) на практике изучили, как работает правоохранительная система, где она слаба и неэффективна, а где, наоборот, демонстрирует успехи, те же профильные НПО стали посредниками между гражданами и милицией. Причем не только в строго юридическом смысле слова - для того чтобы помочь человеку добиться восстановления его прав, юристы правозащитных НПО официально становятся представителями интересов пострадавших граждан, - но и в социальном.

Именно НПО, инициируя официальные разбирательства и работая по делам граждан, в конечном итоге аккумулируют социальный запрос на реформу. Так получается, потому что люди, пережившие пытки и жесткое обращение, и, что немаловажно, их близкие, друзья становятся той самой критически мыслящей общественностью, которая полагает для себя единственно возможным в такой ситуации - вкладываться в реформирование милиции, с тем чтобы не допустить на практике того,

Правовая защита людей, переживших пытки и жестокое обращение, - это одна задача, а выстраивание стратегического диалога с милицией и с правоохранительными органами в целом - совершенно другая.

кими. Конечно же, в сообществе людей, испытавших на себе пытки и жестокое обращение, не все готовы тратить свое время и усилия для общего блага, однако тех, кто в этом видит для себя способ дальнейшего существования, немало. Истории людей, переживших пытки и жестокое обращение, которые опубликованы в этом выпуске бюллетеня, убедительно говорят именно об этом. И ей, этой самой общественности, или иначе - сообществу людей, переживших пытки и жестокое обращение, - нужны посредники или партнеры для позиционирования и поддержания своих интересов. Этими посредниками и становятся правозащитные организации.

И здесь начинается самое интересное. Потому что правовая защита людей, переживших пытки и жестокое обращение, - это одна задача, а выстраивание стратегического диалога с милицией и с правоохранительными органами в целом - совершенно другая. Но такой диалог, который может принимать разные формы - от сотрудничества до конфронтации, - выстраивать придется, т.к. от результатов этого взаимодействия в определенном смысле зависит, как будет вестись реформирование милиции и как на практике будут реализовываться реформаторские меры.

Правозащитные НПО, добившись серьезного профессионализма в обеспечении пострадавшим правовой защиты и восстановлении их прав, пока не так уверенно чувствуют себя в поддержании взаимодействия с милицией - в силу непродолжительного времени, в течение ко-

торого велась такая работа. И здесь причина не только в самих НПО, но и в милиции, которая, задекларировав принцип открытости гражданам и общественным организациям, на практике нередко от диалога отказывается или дезориентирована в том, как этот диалог вести и поддерживать. Так что проблема малопытности - общая и для НПО, и для правоохранительных органов.

Еще менее уверенно НПО себя чувствуют как заявители перед властями социального запроса на реформирование милиции. Саму проблему можно сформулировать точнее, объяснив, откуда она возникает и почему она выглядит достаточно правдоподобной.

Мы наблюдаем следующую картину: опросы общественного мнения, результаты качественных социологических исследований, профильные исследования мнений и оценок сотрудников правоохранительных органов говорят о том, что необходимость реформирования разделяется многими, и милиционерами в том числе. В частности, по результатам опроса, который был проведен по инициативе Фонда «Общественный вердикт» в декабре 2007 года, около 70% граждан поддерживают идею реформирования. Кроме того, примерно те же 70% говорят о том, что после реформы они хотели бы получить милицию, которая работает в интересах граждан, обеспечивает безопасную городскую среду, а не борется с преступностью. (С результатами опроса и итоговым отчетом по этому исследованию можно познакомиться на сайте Фонда - http://www.publicverdict.org/ru/articles/research/reform_police.html). Иначе говоря, со стороны общества заявлен запрос на милицию, обслуживающий интересы граждан, местных сообществ и их жителей. Правозащитникам хорошо известны эти пожелания граждан, и не только из опросов общественного мнения, но и из общения с теми людьми, которые обращаются к ним за помощью. При этом столь же хорошо известно, что в милиции работают те, кто потенциально может устойчиво поддерживать реформирование. Возникает вопрос: почему при таком распределении интересов, когда все основные стороны «бьют копытом»

и при этом существуют профильные НПО, которые уже являются, по сути, выразителями интересов граждан, этот социальный запрос в должной степени не позиционирован и не предъявлен публично и убедительно?

И здесь правозащитники высказывают разные мнения. Одни говорят, что основная причина в том, что граждане этот запрос не предъявляют и НПО ждут, что когда-нибудь это все-таки произойдет; другие считают, что причина в том, что власти безнадежно глухи и все их усилия тщетны. Третьи убеждены, что дело не во власти и не в гражданах, а нужно знать и использовать определенные способы для позиционирования этого запроса перед властью и, в целом, научиться работать с социальными запросами. Все эти точки зрения имеют право на существование, и причины справедливы, но главное, как представляется, – суметь их учесть и с ними определиться в каждом конкретном случае, т.е. выбрать приоритетную причину и сообразно этому построить свою дальнейшую деятельность, если она все же предполагается совместной.

Проблематика работы НПО с социальными запросами граждан – всего лишь одна из ключевых проблем. И здесь мы рассказали о сложностях работы с социальным запросом на реформу милиции с одной лишь целью: на этой основе проиллюстрировать что среди

Февральская рабочая группа запомнилась, прежде всего, тем, что на ней удалось сделать очевидным диапазон оценок и позиций правозащитников, разобраться в том, где имеются расхождения, а где, наоборот, совпадения и, отталкиваясь от этого прояснения позиций, наметить следующие действия, которые уже будут опираться на консолидированные усилия правозащитников. И тем самым иметь шанс быть реализованными.

правозащитников, даже тех, кто работает по одной группе прав и использует примерно одинаковые методики правозащитной работы, существует разнообразие мнений и оценок.

Мысль, вроде бы, понятная, и кажется, что так думают все и всюду, но на практике происходит не так. Нередко приходится видеть, как коллеги по правозащитному секто-

ру неприкрыто удивляются, когда сталкиваются с неприятием их точки зрения и недоумевают, как вообще возможно думать иначе.

Означенное разнообразие – безусловный плюс, поскольку в противном случае у нас были бы сомнения в том, насколько работа НПО опирается на реальную практику, а не является заидеологизированной публичной активностью. Ведь очевидно, что, работая «на земле», сталкиваешься с разнообразием ситуаций и мнений, способами реакции властей и решения проблем, и именно отсюда растет многообразие мнений и оценок НПО. И, как показала февральская встреча, это разнообразие мнений, опыта и оценок не становится непреодолимым препятствием для совместных действий.

Февральская рабочая группа запомнилась, прежде всего, тем, что на ней удалось сделать очевидным диапазон оценок и позиций правозащитников, разобраться в том, где имеются расхождения, а где, наоборот, совпадения и, отталкиваясь от этого прояснения позиций, наметить следующие действия, которые уже будут опираться на консолидированные усилия правозащитников. И тем самым иметь шанс быть реализованными.

И здесь сразу же хочется сказать большое спасибо Аннеке Оссе – международно признанному эксперту по полиции, которая модерировала работу группы и построила дискуссию таким образом, что удалось заново отструктурировать содержание проблемы реформирования милиции и понять, что, как и в какой последовательности могут делать правозащитные НПО. Иначе говоря, из различных отдельных «блоков» экспертных знаний и ресурсов были сооружены ладные конструкции следующих действий.

Хотя поначалу у участников рабочей группы и у Аннеке Оссе были сомнения, насколько вообще возможна эффективная стратегия и, что сложнее, следование ей, когда в ее реализации задействованы несколько разных организаций.

Эти сомнения небеспочвенны. И дело не в какой-то особенности российских НПО, а в том, что всегда проще и надежнее разработать стратегию для отдельной

организации и следовать ей, чем разработать стратегию для нескольких организаций, воплощать ее на практике и при этом тратить огромные усилия на координацию и контроль за ее воплощением. Немаловажно и то, что для успеха такого предприятия требуется, чтобы между организациями был существенный кредит доверия и уверенность в том, что никто из участников не поступит каким-то неожиданным или необдуманным образом, разрушающим всю «конструкцию».

Комментарий Аннеке Оссе, который она сделала по поводу инициативы российских НПО

«...Я затрудняюсь привести вам пример, когда правозащитные НПО собираются вместе и планируют разработать стратегию реформирования. Это уникальная ситуация, чтобы НПО вместе продумывали и разрабатывали стратегию. В других странах НПО очень редко собираются для разработки стратегии, они могут вместе что-то обсуждать, обмениваться опытом, но не более».

И хотя говорить о безусловном успехе рабочей группы преждевременно, тем не менее первые две встречи показали, что получается совместно, учитывая интересы разных организаций: а) разобраться с приоритетами; б) понять, какие ресурсы может вложить каждая организация; в) выполнить намеченное.

Представляется, что в дальнейшем успех рабочей группы в определенной степени будет зависеть от решения ряда других вопросов, без чего двигаться дальше будет, по меньшей мере, затруднительно. Это вопросы, которые касаются каждой конкретной организации и которые

она должна сама себе задать. Мы приводим эти вопросы в комментарии Аннеке Оссе с первой рабочей группы.

Из различных сепаратных «блоков» экспертных знаний и ресурсов были сооружены ладные конструкции следующих действий.

Точки определения правозащитников

«Стратегия всегда отвечает на вопрос «что?» и «почему?». Стратегия – это про то, чего вы хотите достичь. Как вы как НПО хотите взаимодействовать с милицией. Но это также про то, как вы хотите взаимодействовать с другими НПО. Потому что ваши решения по поводу того, как взаимодействовать с милицией, могут встретить другие мнения НПО, и это может затруднить вашу работу. Если вы решите взаимодействовать с полицией, вы должны решить, как об этом сказать другим НПО.

Вам надо также решить, как вы будете работать со СМИ и какую роль сыграют средства массовой информации. Как они будут вас представлять и как вы хотите, чтобы они вас представляли.

Существуют две очень важные дилеммы, по отношению к которым нужно определяться НПО.

Первая дилемма при работе с милицией касается следующего: хотите ли сотрудничать или вы хотите противостоять, работать в режиме конфронтации? Большинство НПО более комфортно себя чувствуют в

режиме конфронтации, потому что часто НПО считают, что более адекватно быть в конфронтации с полицией. Опасность в том, что, сотрудничая с полицией, вы теряете возможность решительно критиковать ее действия. А если вы слишком их критикуете, вам трудно с ними взаимодействовать. Здесь нужно принимать стратегическое решение.

Вторая дилемма касается того, какую дистанцию вы хотите держать в ваших взаимоотношениях с полицией. Хотите ли вы быть наблюдателем со стороны или вы хотите быть активным игроком? Опять же большинство НПО более комфортно себя чувствуют в роли наблюдателей, «сторожевых псов» - находясь на определенной дистанции, наблюдать, что делает полиция, и критиковать это. Но, может быть, вам захочется стать игроком на этом поле. И что-то вместе делать. Это связано с тем, что вы за организация».

* * *

Большим плюсом участия Аннеке Оссе в работе группы российских экспертов было то, что она помимо грамотно выстроенной модерации работы поделилась своими обширными знаниями о том, какие проблемы и как решались в других странах, где проходило реформирование правоохранительных органов. Без сомнения, эта информация может быть использована и для разработки наших планов, и для того, чтобы просто знать, какую роль могут играть НПО и на основе чего выстраивать стратегическую работу с правоохранительными органами.

Ниже мы приводим краткие описания некоторых примеров из международного опыта.

«Если вы хотите установить взаимодействие с полицией, то эта работа на длительный срок, и вы должны убедиться, что ваша организация способна на такое долгосрочное сотрудничество. Это вопрос, который вы должны задать себе»

Аннеке Оссе во время дискуссии на семинаре

Истории работы НПО с полицией и самих инициатив НПО в других странах

приводятся по рассказам Аннеке Оссе на семинаре в феврале 2009 года

Голландия «Кампания по написанию писем»

Многие полицейские в Голландии являются членами Международной Амнистии, в которой была сформирована Профессиональная группа полиции. Это члены Амнистии, волонтеры, но одновременно они являются полицейскими. Вначале их намерения были такие: мы будем помогать полицейским в других странах, которые стали жертвой нарушений прав человека. С одной стороны, такую идею можно реализовать в любой стране. Но проблема была одна: не удалось найти полицейских, которые были бы жертвой нарушений прав человека. В основном, полицейские были сами нарушителями прав человека. Поэтому Профессиональная группа полиции Международной Амнистии решила писать письма своим коллегам, которые нарушают права человека. Это были письма индивидуальные. Начинались они примерно одинаково: «Я пишу вам, я член Международной Амнистии и, кроме того, я полицейский». Каждый из них писал письмо как частное лицо, т.е. это были личные письма. Многие полицейские в других странах ответили на эти письма. Так произошло, потому что в самых разных странах полицейские чувствуют себя коллегами. Кроме написания писем, Профессиональная группа Международной Амнистии решила обратиться к своим коллегам в Голландии, в Полицейскую Академию. Они начали с небольшого – с полутора часовых лекций в академиях. Полицейские – члены Международной Амнистии как волонтеры шли в полицейскую академию и рассказывали о том, чем занимается Международная Амнистия. Вдобавок к этому, в полицейском журнале, который читают все полицейские в Голландии, волонтеры Амнистии стали публиковать статьи о полицейских в других странах. Таким образом, был создан способ обсуждения вопросов прав человека в достаточно безопасном контексте. Пример Голландии является совершенно уникальным, т.к. все это происходило по инициативе самих полицейских.

Словения «Информирование граждан о правилах работы полиции»

В 2001-2002 гг. Международная Амнистия хотела работать в Словении по проблемам полиции, но не знала, с чего начать. И для начала решили составить памятку о том, как подавать жалобы, заявления в полицию. Это была очень простая листовка, в которой все было изложено простым языком. Она была рассчитана на все население страны. Листовка или памятка была составлена в 2002 году, тогда полиция нарушала права человека в Словении, но у них уже было твердое намерение исправиться. Памятка оказалась очень успешной инициативой, население восприняло ее появление очень положительно. Позже полиция Словении просила у Международной Амнистии разрешения использовать эту памятку. Таким образом было начато взаимодействие между правозащитной организацией и правоохранительными органами. В дальнейшем, стали проводиться круглые столы, семинары и т.п., и полиция Словении обратилась к Международной Амнистии с просьбой составить другие памятки. Первая памятка была составлена исключительно Амнистией. Был очень важен стиль, как была составлена эта памятка. Она была нейтральной, не была критичной по отношению к полиции, была написана очень профессионально, и всем этим очень понравилась полиции.

Зимбабве «Моральная поддержка для полицейских»

Раньше зимбабвийская полиция была достаточно профессиональной, сейчас, в силу происходящего в Зимбабве, ситуация стала намного хуже. Но опытные зимбабвийские полицейские сохранили профессиональный уровень и с ними можно взаимодействовать. Вначале Амнистия провела исследование, изучив работу конкретных полицейских участков. Работа велась на местном уровне. Мы использовали специальный этический кодекс полиции Южной Африки. Этот кодекс, состоящий из 12 положений, мы распечатали на пластиковых

карточках. Карточка небольшая, и ее можно носить с собой. Кроме того, были напечатаны плакаты, и размещены в полицейских участках. Люди, которые приходили в участки, также могли видеть эти плакаты. Идея была в том, что если эту карточку полицейский будет иметь с собой, то это означает, что он хотя бы готов с этой точки зрения смотреть на свое поведение. Со всего мира зимбабвийским полицейским также писались письма. Метод – «публично пристыдить» - вы передаете огласке те проблемы, которые существуют. Одни письма касались конкретных нарушений, другие письма – в целом о том, что нужно соблюдать права человека.

Интересно, что через 20 лет мы видели полицейских в Африке, которые уже в течение 20 лет носят карточки с 12 положениями этического кодекса. Это заставило нас подумать, что среди полицейских существуют такие, которые хотят соблюдать права человека, но тот контекст, в котором они работают, не позволяет им этого, но карточка их морально поддерживает.

Венесуэла «Общественный договор с полицией»

В Венесуэле придумали систему контрактов с полицией. Этот контракт подписывается между общественностью и полицией. В контракте значится обязательство, что полицейские не применяют пытки. Контакт подписывается на определенной территории, и в случае подписания контракта эта территория объявляется зоной свободной от пыток. Контракт подписывается между руководителем полиции, мэрией и НПО. Только после этого территория объявляется свободной от пыток.

Пытки – глазами людей, их переживших

Юриада

Это история о преодолении последствий жестокого обращения со стороны работников правоохранительных органов, записанная со слов Воробьевой Татьяны Сергеевны.

- Я рассказываю эту историю, так как верю, что мой опыт может быть полезен другим людям. Возможно, я сама смогу по-новому взглянуть на эту ситуацию.

Эта история началась 15 марта 2000 года. Мой муж не вернулся домой с работы. Утром я начала обзванивать морги и вытрезвители и узнала, что его отправили в отделение нейрохирургии 29-й больницы с тяжелой черепно-мозговой травмой. Позже я узнала, что в тот вечер он выпил с друзьями и пошел домой (он всегда стремился прийти пораньше, чтобы мы не волновались), но на остановке автобуса к нему подъехала милицмейская машина, сотрудники увидели, что он выпил, и захотели увезти его в вытрезвитель. Юра стал сопротивляться, говорить, что он «свой» (15 лет отработал в милиции, ушел во время перестройки, чтобы больше зарабатывать на семью, а незадолго до того вечера стал работать судебным приставом). Милиционеры пытались затолкать его в машину, затем ударили дубинкой по голове.

Когда я увидела Юру в больнице, он

Интуитивно я начала записывать мельчайшие подробности каждого дня (изменения в состоянии Юры, детали лечения, новые факты о случившемся). Тетради с этими записями я назвала «Юриада». Позже они мне не раз пригодились.

Я записала, что 10 мая Юре сделали рентген черепа, а на снимках, которые мне выдали, значилось 15 марта, то есть день, предшествующий трагедии. Так я смогла узнать, что снимки подменили

был без сознания. Почти полтора месяца он провел в больнице, все это время я ухаживала за ним, но лишь спустя много дней он стал меня узнавать. Ему пришлось заново учиться говорить, ходить, как маленькому ребенку.

Нашим детям пришлось быстро повзрослеть. Сын-студент устроился на работу, доставал лекарства. Средняя дочь вместо дневного отделения поступила на заочное и взяла на себя заботу о доме и младшей сестре. Дети всегда меня поддерживали, они стали для меня верными друзьями.

Я получала большую помощь от родственников, друзей и чувствовала поддержку от бывших Юриных коллег по работе в милиции. Это было важно, так как я мобилизовала все силы на лечение любимого мужа, отца моих детей. Интуитивно я начала записывать мельчайшие подробности каждого дня (изменения в состоянии Юры, детали лечения, новые факты о случившемся). Тетради с этими записями я назвала «Юриада». Позже они мне не раз при-

годились. Например, я записала, что 10 мая Юре сделали рентген черепа, а на снимках, которые мне выдали, значилось 15 марта, то есть день, предшествующий трагедии. Так я смогла узнать, что снимки подменили.

Милиционеры, избившие Юру, не были наказаны. Единственный свидетель (мужчина, бывший в вырезывителе в тот момент, когда Юру привезли) отрицал факт избиения. Медицинская карта, необходимая для независимой экспертизы, пропала. Я писала обращения к губернатору, областному прокурору, депутатам, президенту страны, уполномоченному по правам человека. Все жалобы возвращались на рассмотрение местных органов власти, то есть провинившиеся должны были наказывать сами себя.

Сначала мне хотелось отомстить за несправедливость, потом я устала ее добиваться, затем познакомилась с сотрудниками регионального правозащитного центра и поняла, что важно бороться не ради мести, а чтобы помочь людям в схожих ситуациях. Я примирилась с тем, что жизнь не повернешь вспять («как если бы» не было трагедии - никогда не будет). Я осознала, что есть другая жизнь, радости. У нас родилась внучка.

Думаю, что случившееся повлияло на то, что наши дети выросли хорошими людьми. У них высокий нравственный потенциал, они умеют заботиться о других, я уверена, что они никогда не совершат гадких поступков. Сын стал главой рода, недавно он купил участок земли и хочет построить там дом, где мы с отцом могли бы отдыхать летом. Я и сама не позволяю себе распускаться, несмотря ни на какие обстоятельства стараюсь выглядеть оптимистично, следить за своим внешним видом. Это-

му, а также умению думать о других, я научилась у своей мамы Веры Михайловны.

Из своего опыта я смогла извлечь несколько полезных навыков:

- чтобы лучше понимать близких, нужно представлять себя на их месте. Отношения с больным человеком далеко не всегда бывают гладкими. Я не обижалась на «вредность» мужа, потому что понимала, как ему тяжело все время сидеть дома;

- чтобы отстоять свою правоту, полезно собирать информацию о похожих случаях (вырезки из газет и журналов), делать копии всех справок, документов;

- не замыкаться на проблеме, позволить близким и самой себе жить дальше, интересоваться чем-то новым.

У меня есть ощущение, что, когда ты открыто общаешься с людьми, это привлекает добрые дела.

Сначала мне хотелось отомстить за несправедливость, потом я устала ее добиваться, затем познакомилась с сотрудниками регионального правозащитного центра и поняла, что важно бороться не ради мести, а чтобы помочь людям в схожих ситуациях.

«Не только ради себя и своего сына»

Это история о выживании и преодолении последствий жестокого обращения, записанная со слов Людмилы Ивановны Оцалюк, матери человека, пострадавшего от произвола и самовласти органов милиции. Мы надеемся, что эта история окажется полезной для тех, кто оказался в похожей ситуации.

- Сын мой уже в возрасте, 39 лет, семейный, двое деток. Но так случилось, что мне пришлось пойти на защиту сына и бороться с несправедливостью.

Моего сына избили – нанесли вред

здоровью средней тяжести: агония сетчатки глаза, черепно-мозговая травма, двусторонний перелом нижней челюсти. Он обратился в милицию, чтобы написать жалобу. И оказалось, что человек, который его избил, родственник начальника милиции. Заявление отказались регистрировать. Тогда он пошел в центральную приемную больницу. Там его сразу не приняли, велели на следующий день прийти, несмотря на то что выявили перелом. Сын пошел домой, но по пути его перехватили сотрудники милиции и повезли - вместе с избивавшим - в больницу сдавать анализ крови на алкоголь. Медсестра в

больнице сказала, что у нее и у врача нет допуска на такие анализы.

Заявление в милицию не приняли и назавтра. А сына госпитализировали, и в больнице он в итоге пролежал 21 день. И туда постоянно стали ходить сотрудники милиции, требовать, чтобы он забрал свое заявление. Говорить сын не мог из-за перелома челюсти, но все-таки сумел меня вызвать, через невестку. Невестка мне объяснила, что случилась беда и Сереже срочно нужен адвокат, так как его избил родственник начальника милиции, постоянно оказывается давление, не дают спокойно лечиться.

Одиннадцатого апреля мы с адвокатом отправились в больницу. Стали выяснять, что там с этим анализом крови на алкоголь. В журнале регистрации, который удалось вытребовать, была запись о том, что брали кровь – но ведь говорили же, что нет лицензии на такие анализы!

Потом нам повезло – у нас в руках оказалась история болезни, которую обычно больным не дают. Врачи стали требовать ее обратно, а я сказала: «Вы ее не получите, пока я ее не прочту и не отсканирую, от корки до корки». Читаю: когда его положили, у него брали на биохимию один анализ крови из вены – и в рамках лечения ему уже успели сделать четыре инъекции в вену хлористого калия. То есть всего пять следов от уколов в вену. А если брали кровь на алкоголь – должно быть шесть.

Тогда мы пошли в судмедэкспертизу, и эксперт сына осмотрела и сказала: три укола, сделанные не позже трех дней назад и два за последние два дня. То есть пять, шестого укола она нигде не нашла и написала заключение. Потом я дошла и до судмедэкспертизы, где проверяют кровь на содержание алкоголя, чтобы узнать, поступала ли к ним кровь «от сына». Да, говорят, была, алкоголя нашли 2,7 промилле. Я попросила сделать анализ – резус-фактор определить, группу крови. И кровь не сошла – то есть уже 100%, что у сына ее не брали.

Одновременно с этим адвокат по-

шел разговаривать с начальником милиции, чтобы на Сережу давить перестали. Начальник милиции пригласил и меня и сказал: «Сын ваш уже пострадал, ничего не вернуть, ребята молодые, у сына вашего 18 лет выслуги (он тоже в милиции, водителем). А тот, кто избил, - он тоже там работает. Давайте так сделаем, чтобы они примирились. Мы на сына перепишем автомобиль, чтобы моральный и материальный ущерб возместить». И даже мне стал угрожать: «Если не пойдете на примирение, обоих уволю с работы и на обоих в суд подам». Вызывает он того, кто избил, я на него смотрю, и так мне жалко его: я - мать троих детей, а он ведь тоже чье-то дитя. И я ему только сказала: «Ну, что ты натворил?!» Решила – все равно обратно не повернуть того, что случилось, будем выкарабкивать-

ся. А начальник милиции как увидел, что у меня слеза пошла, тут же говорит: «Даю служебную машину, поезжайте к сыну, чтобы шел на примирение». А тому, кто избил, велел ехать следом и просить прощения.

Сначала адвокат с сыном поговорил, потом я, потом этот, избивший, прощения попросил. Пожали они друг другу руки. Четырнадцатого числа переписали на сына машину - в счет моральной компенсации, а пятнадцатого прибежал в больницу участковый и говорит: «На тебя машину переписали, теперь давай нужные показания». Сын себя плохо чувствовал, сказал: «Пиши что хочешь» - и участковый сам написал служебное расследование. Через двадцать дней сын вышел на работу, ему дали прочитать, что участковый написал. А написал он, что это Сережа того, другого, избивал (а не наоборот), и что был Сережа такой пьяный, что сам упал на металлическую урну и сам себе поломал челюсть.

Сын мне копию служебного расследования передал, я почитала и тут же стала писать жалобы - главному прокурору республики, в ФСБ, президенту, министру МВД, обратилась к министру МВД нашей республики. Из Администрации Президента, от прокурора получили ответы, что разбираться будет местная прокуратура. А из республиканской прокуратуры ответ, что все жалобы отправлены в местную прокуратуру, в следственный отдел. Прокурор в местной прокуратуре сразу отменил

У нас в руках оказалась история болезни, которую обычно больным не дают. Врачи стали требовать ее обратно, а я сказала: «Вы ее не получите, пока я ее не прочту и не отсканирую, от корки до корки».

постановление о служебном расследовании против сына и завел уголовное дело против того, который избивал.

А дальше следственный отдел в течение 7 месяцев молчал. Семь месяцев прошло, никакого следствия, ничего вообще. Ни одного человека не допросили, никто даже не шелохнулся. Потому что все - в зависимости от того начальника милиции.

После того как я написала везде жалобы, начальник милиции велел отправить к моему сыну инспектора ГАИ и изъять водительские права. Вот зачем нужна была эта подделка крови. Чтобы чем-то подстраховаться. Сын отказался протокол подписывать и давать объяснения. В прокуратуре уже знали, что давление на сына еще будет, и ему посоветовали быть начеку. Он взял у друзей диктофон, и когда приехал сотрудник ГАИ, он записал весь разговор. И у него есть записанный от начала до конца разговор, где гаишник сам говорит, от кого и зачем он пришел. «Я не по своей инициативе сюда пришел, а по приказу начальника милиции... И тебя будут судить».

Сын отказался подписывать протокол, но в ГАИ все сделали сами и подали на сына в суд. А судья без всяких доказательств, без анализа крови лишил сына водительских прав на полтора года.

Мы подали апелляцию в Верховный суд. Так как не было никаких доказательств, Верховный суд его оправдал, права вернули.

На фоне всего этого у сына открылась язва желудка, у меня был сердечный приступ. Мы решили подать иск на возмещение материального и морального, чтобы получить обратно деньги – я ведь платила адвокату, за все анализы и экспертизы. И поначалу нам мировой судья присудил эти деньги вернуть,

Начальник до сих пор на сына давление оказывает. Они решили сделать «ход конем» и начали сами сына судить – шесть судов уже было: собрали шесть свидетелей, частных предпринимателей, которые зависят от милиции и дают показания

13000 рублей. А они не согласились, подали апелляцию, и постановление вышло такое, что мы добивались всего этого «в своих интересах», и ни копейки денег нам не вернули. Дальше нам предстоит кассационный суд.

Но начальник до сих пор на сына давление оказывает. Они решили сделать «ход конем» и начали сами сына судить – шесть судов уже было: собрали шесть свидетелей, частных предпринимателей, которые зависят от милиции и дают показания, что сын того, избившего, оскорблял. Его оштрафовали на 20 тысяч за это. А теперь Сережу еще судят по результатам служебного расследования – за то, что, якобы, он избивал. Не знаем пока, чем все это кончится.

В апреле будет год, как все началось. Сыну пришлось уволиться, хотя он прослужил 18 лет, вышел по выслуге лет. И ему должны были дать 15 окладов, 90 тысяч, а выплатили ему всего 16 тысяч, то есть 4 оклада! И опять нам надо подавать в суд и выяснять, по какой причине это так.

Все это время материнский инстинкт мне придавал силы. В семье дети помогают. Дети уже говорят иной раз: «Бабушка, ты себя жалеешь, не расстраивайся, не убивайся... Как будет - так и будет». Но сдаваться я не буду, надо до последнего идти. Не только ради себя и своего сына. Чтобы справедливость существовала. Мне уже 57 лет, и детей я этому учила, и недурно их воспитала.

И протест против всей этой несправедливости меня мучает. Для всех людей должен быть закон одинаковый! Я этого так не оставлю. За что мы боремся тогда, если можно человека в порошок стереть так просто? Нет, так не должно быть! Иначе для чего жить, если на свете такое беззаконие? Я думаю: если не кто-то - за меня, так я хоть сама - за кого-то. Как младшая дочка моя когда была маленькая, говорила: «Я болею, я вырасту и стану лечить людей, чтобы они не болели, чтобы им не мучиться, как мне».

Я считаю, что люди должны бороться с несправедливостью. И чтобы там, наверху, знали, сколько незащищенных людей вокруг. Не должно быть самосуда, не должно быть таких начальников. И я хочу, чтобы все это попало в Интернет и на телевидение, и буду рада, если люди узнают.

Все должно быть открыто, гласно.

Людям, которые оказались в подобной ситуации, я бы посоветовала: держаться всеми силами, укреплять свое здоровье. И бороться дальше, изо всех сил, до последнего. Чтобы люди не сдавались, чтобы бились. Надо ставить преступников на место. Президент, Дума - до них это все не доходит и не дойдет. Поэтому люди должны добиваться на своем месте справедливости. И не бояться никаких чиновников – они такие же люди. Должен быть один закон и для бедных, и для богатых!

Незаконное задержание

Это история о том, как семья Петровых* справлялась с последствиями жестокого обращения и злоупотреблением служебным положением со стороны сотрудников милиции. В интервью участвовали дочь Татьяна (23 года), ее мать Алла, отец Сергей.

Эта история началась субботним вечером в сентябре 2008 года.

Татьяна была в клубе, в какой-то момент заметила, что пропала ее сумочка, расстроилась и решила ехать домой.

* фамилии и имена в данной истории были изменены

Они вызвали «скорую», и Татьяну увезли в больницу. Врач посочувствовала истории Татьяны, но сказала: «Раз ее не убили – не докажете, что милиционер виноват».

Вышла на улицу, взяла такси. На половине пути сказала водителю, что нет денег и что за проезд заплатят родители. Таксиста это не устроило, и он попросил ее выйти из машины. В этот момент они находились в безлюдной местности (в отдаленном районе города, путь в который проходит через леса и поля). Поэтому Татьяна отказалась выйти из машины. Таксист отвез ее обратно в центр. Там она тоже не согласилась выходить и стала требовать, чтобы он отвез ее домой. Тогда водитель отвез ее в ближайшее отделение ППС, пожаловался, что она отказывается платить, и передал дежурным. Милиционер Чурилов В.А. (ФИО настоящие) посадил девушку в «клетку». Она потребовала, чтобы ей дали телефон. Он отказал, начал ее оскорблять, говорил, что ненавидит «таких как она». Татьяна разозлилась и язвительно ответила, что, видимо, у него плохо все в жизни получается, раз он здесь работает. Чурилов схватил ключи, бросился в «клетку», начал бить Татьяну кулаками по лицу. Свидетелей не было, так как, только он схватился за ключи, дежурившая вместе с ним девушка-кинолог быстро ушла на улицу.

Дежурная вернулась, вместе с милиционером они посадили девушку в какую-то машину (не милицейскую) и отвезли в медвытрезвитель. Врач решила Татьяне позвонить родителям и составила протокол. У Татьяны были синяки под обоими глазами, сильно опухли губы. Сергей и Алла приехали в пять утра в вытрезвитель, где увидели сильно избитую дочь. Им ее не отдали, сказав, что будет предъявлено обвинение в административном правонарушении. Тогда они вызвали «скорую», и Татьяну увезли в больницу. Врач посочувствовала истории Татьяны, но сказала: «Раз ее

не убили – не докажете, что милиционер виноват». Возмущенные Сергей и Алла поехали в отдел ППС, они заявили, что не оставят это дело просто так.

В понедельник состоялось слушание дела у мирового судьи. Татьяна

Татьяна с родителями наняли адвоката и узнали, что задержание было произведено незаконно – милиционер, избивший Татьяну, оказался водителем, а его напарница - кинологом. Они не имели права не только бить ее, но даже сами задерживать.

была признана виновной в нарушении общественного порядка и должна была заплатить штраф размером в тысячу рублей. Она (со слов дежурных) была задержана в парке, где непристойно себя вела, а лицо повредила, когда якобы «билась головой о перила». В суд было представлено медицинское заключение, которое все это подтверждало.

Полгода она выходила на улицу только в сопровождении родителей или друзей, опасаясь мести со стороны милиционера.

Правда, оно почему-то не было подписано Татьяной.

Татьяна с родителями наняли адвоката и узнали, что задержание было произведено незаконно – милиционер, избивший Татьяну, оказался водителем, а его напарница - кинологом. Они не имели права не только бить ее, но даже сами задерживать. По инструкции они должны были отвезти ее в отделение милиции.

Петровы подали на апелляцию. Вызванные в суд таксист, милицейский водитель Чурилов и сотрудница-кинолог путались в показаниях. Решение мирового судьи было отменено «за недоказанностью».

Татьяна обратилась в правозащитную организацию, чтобы восстановить свою репутацию. Она опять будет подавать в суд - на возмещение морального ущерба. Незадолго до происшествия она устроилась на новую работу, и ей пришлось там объясняться с начальством. Полгода она выходила на улицу только в сопровождении родителей или друзей, опасаясь мести со стороны милиционера. Кроме того, она хочет, чтобы все те, кто давал ложные показания в суде, понесли ответственность.

За прошедшее время Татьяна успела изучить законы и хотела бы посоветовать людям, попавшим в сходную ситуацию:

- знать свои права;
- не угрожать милиции, чтобы те не подменяли протоколы и мед. экспертизы заранее;
- не подписывать пустые протоколы (ей пытались это предложить);
- нанимать адвоката, чтобы жалоба на неправомерные действия сотрудников милиции была составлена правильно.

«У меня поменялось отношение к государству»

Это история о выживании и преодолении последствий жестокого обращения и насилия, записанная со слов Романа, жителя Краснодара, подвергшегося жестокому обращению со

стороны сотрудников милиции. Мы надеемся, что эта история окажется полезной для тех, кто был в похожей ситуации.

- Я был против того, чтобы рассказывать эту историю. Но я решил согласиться, т.к. в будущем это может помочь другим людям.

Пока я находился в СИЗО, я понял,

Я предполагал, что если сопротивляться, то будет еще хуже. Чувствуешь, что за ними стоит государственная машина, а ты один, и тебе есть что терять.

что несвобода - это плохо. Это отсюда, может быть, кажется – что там такого, посидеть? Но, побывав там, понимаешь, что лишение свободы – это наказание. Силу этого наказания чувствуешь, когда выходишь на свободу. Сравнение я бы сделал такое: есть воздух - и нет воздуха. Есть воздух – это свобода. И когда у тебя нет свободы, можно сказать, что ты не живешь.

Дело было в следующем. У моей бабушки обворовали квартирантов. Не знаю, что у них украли, но они начали подозревать меня. В нашу квартиру пришли сотрудники милиции с обыском, предложили проехать в отдел и пообщаться. В отделе стали задавать вопросы: кто это сделал? кто украд? куда девал?.. Я сейчас точно не помню беседы. Говорю – не знаю. Они начали

бить меня. Больно было - раз. Ощущение абсолютной незащищенности – два. И бессилие – три. Причем двухсотпроцентное бессилие. И еще - то, что другие люди ходят мимо этого кабинета, заходят в него, видят, что происходит, но это считается у них в порядке вещей. Я был, конечно, в шоке, что для них это все так просто: просто побить человека, просто ему наговорить такого, что уши вянут... Я смотрел старые советские фильмы, где показывалось, как следствие идет: разыскали, 25 дней искали доказательства... А на самом деле их работа - побить человека, добиться признания. Причем сейчас оперативники «грамотные»: они ищут и нарабатывают способы физического воздействия, которое не оставляло бы следов: электричество используют, бьют бутылками с водой по голове...

Я пытался смягчать удары какими-то зажимами. Но у меня даже мысли не было оказывать физическое сопротивление. Может, нас так приучили, что государство всегда право? Нам не объясняют, что прокуратура должна наказывать милиционеров за такое поведение. И сами сотрудники отделений привыкли, что все это происходит безнаказанно.

Сейчас я знаю, что это - преступление. Но тогда я об этом не задумывался. К тому же я предполагал, что если сопротивляться, то будет еще хуже.

Чувствуешь, что за ними стоит государственная машина, а ты один, и тебе есть что терять. Кроме того, их было несколько. Я надеялся, что один раз ударят и больше не будут... Сейчас я знаю, что если бы я сопротивлялся, то мне бы еще одну статью вписали. Может быть, это какой-то инстинкт самосохранения сработал?

Потом мне дали подписать административный протокол. Кажется, за хулиганство. Сейчас я уже эту практику знаю. Человека задерживают на основании административного протокола - просто чтобы его запереть и не дать оклематься от их давления. Ведь если они отпустят, то человек из этого состояния выйдет и из него тяжело будет выбивать информацию.

Другие люди ходят мимо этого кабинета, заходят в него, видят, что происходит, но это считается у них в порядке вещей. Я был, конечно, в шоке, что для них это все так просто

Оттуда меня отправили в ИВС и там допрашивали. Но уже не били.

В СИЗО я просидел еще около двух месяцев, пока мама не добила моего освобождения. Я вышел и был рад, но я тогда еще не понимал, что реально мог пойти на срок. Я думал, что на суде я рассказал бы, как все было, и меня бы освободили. Теперь я понимаю, что не освободили бы, т. к. завести дело, а потом его закрыть – это ведь сложная процедура!

Как это событие отразилось на моей жизни? В принципе, я человек не мягкий. Для меня сами условия нахождения в СИЗО не были сильной травмой. Я похудел сильно – очень плохо там кормят. Потом с проблемами желудка попал в больницу. Когда было освидетельствование, у меня обнаружили посттравматический пиелонефрит. Это после того, как мне надавали по почкам.

Но самое главное то, что у меня поменялось отношение к государству. Я понял, что если бы не мама, я бы пошел далеко и надолго. Сейчас приходят много матерей, и я знаю уже, как на основании одних только слов судят человека и дают огромные сроки. Государство должно защищать человека, а оно делает наоборот.

Хотя я и говорю, что это не было стрессом, но, может, на самом деле мне просто хочется думать, что не было? Ведь когда я вышел, я некоторое время ничего не делал. Просто ел и спал. Наверное, я хотел эту амплитуду переживаний вывести в какую-то прямую.

Это похоже на общество крыс, которые могут друг друга жрать. Пусть даже один другого не съедает, но лишает его каких-то ценностей: чести, достоинства... Это ведь тоже составляющие человека. А завтра его самого съедят. Вот они в системе сами друг друга и боятся.

То, что со мной произошло, я бы назвал фашизмом, не иначе: это действие исключительно с позиции силы. Тут не только подвергают поруганию ценности людей, но и сам институт человеческого общества подвергается опасности. Потому что это похоже на общество крыс, которые могут друг друга жрать. Пусть даже один другого не съедает, но лишает его каких-то ценностей: чести, достоинства... Это ведь тоже составляющие человека. А завтра его самого съедят. Вот они в системе сами друг друга и боятся.

У меня нет надежды на справедливость. Мне мама помогла. Она не то что помогла – она перевернула ситуацию. А ее поддерживала моя родня. Потому что там были нужны финансовые вливания – поездки, передачи, адвокат. А мама тогда уволилась, потому что ее единственная работа была – меня освобождать. Она этого захотела – и сделала. Это феноменальный случай: ни денег кому-то, ничего, просто настойчивость мамы.

Мама – это единственный человек, который может беззаветно, бескорыст-

но действовать на твоё благо. Я понял сущность материнства. Какой нам знак поставить между этими субъектами – мамой и ребенком? Может быть, ребенок является частью матери, и мать в конечном итоге бьется за себя. То, что навалилось на ее ребенка – это навалилось на нее.

Я бы хотел сказать тем, кто оказался в похожей ситуации, я бы на билбордах в каждом городе повесил совет: закрыть рот и молчать. Просто молчать. Обратился к тебе сотрудник милиции – молчи. Набери в рот воды. Может быть, это поможет – бить будет не за что? Тебе говорят: рассказывай, что ты делал – а ты молчишь. Поорал, когда током тебя бьют – и опять молчишь. Они посмотрят, что ты ничего не говоришь, может, отпустят. Обратиться тут не к кому – к кому? Прокурор не приходит, не проверяет. Дежурному все равно.

А признаваться, чтобы избежать побоев, я бы не советовал. Потому что система сейчас такая, что если ты что-то подпишешь, а они еще позовут местного адвоката – делу дадут ход.

Добиваться, добиваться, добиваться!..

Полтора года назад меня избил сотрудник милиции в участке. Врачи потом сказали: «Нанесение тяжких телесных повреждений с угрозой жизни». Последствия с тех пор усугубляются, здоровье уже восстановить невозможно.

Когда били, то самая яркая эмоция была – непонимание: ни за что, ни с того ни с сего... Чувство беспомощности было оттого, что некому помочь: ведь те, кто должен помогать, жестоко избивают тебя. Обида была... Не верил до конца в происходящее. Страх за свою жизнь, конечно, был тоже. Я не понимал, чем это может закончиться.

В тот момент была мысль только одна – чтобы это прекратилось, потому что я находился в полусознании, терял сознание постоянно, мыслей о будущем абсолютно не было. Не могу ска-

зать, как долго это продолжалось – я терял память. Человек, который рядом со мной сидел, говорит, что долго. То есть милиционер меня избивал, я терял сознание, вставал, он меня снова избивал, пока я не терял сознание. Много раз это повторялось. Я думал только, что потом матери будет очень тяжело видеть меня в таком состоянии.

У меня нет чувства разочарования, что я ввязался в судебные тяжбы. Я намерен довести дело до конца.

Для того чтобы защитить себя, я закрывался руками – в общем, использовал способы пассивной защиты. Это все происходило также на глазах моего друга, ему тоже досталось. Ему челюсть сломали, когда он стал меня защищать. Кричать смысла не было... Просто лежал, закрывался.

Потом, когда меня в больницу отправили, я, в принципе, не знал, что со мной. Совсем тела не чувствовал, понимал, что одним глазом не вижу, могу слепым остаться. Только через полторы недели узнал, что у меня голова проломлена. Врачи, правда, обнадеживали, не говорили «теперь всю жизнь болеть будешь» – за это им спасибо. Вначале я говорить не мог, и когда друзья приходили в больницу, не о чем было говорить.

Единственное, что после операции

видел, - это слезы матери. Она не могла даже меня поддержать, ей было трудно видеть меня, она сама была в таком состоянии... После того как со мной это случилось, она стала писать заявления во всевозможные инстанции, а ее, грубо говоря, «пинали отовсюду». В конце концов беспомощность ее тоже довела. От этого было еще хуже, конечно. Потом она от переживаний сама слегла в больницу.

Когда стало легче, родственники приезжали отовсюду, друзья постоянно приходили. Не могу выделить никого. Если говорить о родственниках, то все одинаково меня поддерживали. И друзья. Друзья у меня очень хорошие, они не давали сильно задумываться о случившемся, отвлекали как-то от всего этого.

В участке много сотрудников милиции присутствовало. На самом деле виноваты они все, а не только тот, кто меня избивал. Все видели, все знали, слышали, что происходит, но никто мне не помог.

Одновременно на меня посыпались обвинения со стороны милиции, буд-то я там чуть не до полусмерти избил участкового. Сначала говорили – одного, потом – другого... такие нелепые обвинения. Меня это еще больше угне-

тало, потому что понимал, какие могут быть последствия. Единственный, кто мне очень помог в плане продвижения моего дела, это сотрудник ОСБ (отдела собственной безопасности. – Ред.). Он постоянно приезжал, успокаивал, говорил, что «проведена проверка», что «все будет нормально», что «виновных накажем». Он действительно помог. Он тоже был сотрудником милиции, он реально старался помочь, пытался что-то сделать, это было видно.

Раньше я профессионально занимался спортом, разными видами активного спорта: бегом, легкой атлетикой, профессиональным спортивным ориентированием, туризмом во всех его проявлениях, скалолазанием, спортивным альпинизмом. А теперь все, не могу. Раньше я еще учился, а сейчас учиться не могу из-за травмы головы. Я, например, пару – лекцию полтора часа - уже отсидеть не могу из-за утомляемости.

Это я уже потом узнал, что такие случаи – не редкость... Я бы посоветовал людям, если они окажутся в схожей ситуации, держаться, надеяться, добиваться. Молчать, не обращаться за помощью, за восстановлением справедливости – это неправильно. Сегодня – тебя, завтра – кого-то другого. Если не пресекать такое, ничего хорошего не будет.

Когда я выписывался из больницы, мне врачи прописали строгий постельный режим на полгода - то есть практически не вставать. Я тогда был молодой спортсмен, я не соблюдал этот режим. Все равно я старался снова начать заниматься спортом. Если бы я дома просто лежал, это все в голове было бы, мне становилось бы все хуже и хуже. Надо

не сидеть, а активно действовать. Найти что-то интересное, что затягивало бы, отвлекало бы. И так попробовать восстановиться, так быстрее реабилитируешься.

За это время у меня прошло уже порядочно процессов. Сейчас будет четвертый - по гражданскому делу. А еще по уголовному было, по-моему, три процесса. И, наверное, это будет совсем не последний суд. Рассмотрение, повторение, расспросы свидетелей - опять заново в себе начинаешь переживать. Приятного мало, но знаешь, что это все не зря, и не только для меня одного.

Меня не только каждый раз допрашивают, но и заставляют собирать какие-то справки по поводу здоровья, экспертизы, хотя я не вижу в этом необходимости. Уже были факты, доказательства, что меня нигде больше избить не могли, что доставили меня в участок здоровым, вынесли меня оттуда уже избитым. При этом в участке много сотрудников милиции присутствовало. На самом деле виноваты они все, а не только тот, кто меня избивал. Все видели, все знали, слышали, что происходит, но никто мне не помог.

Но, несмотря на все это, у меня нет чувства разочарования, что я ввязался в судебные тяжбы. Я намерен довести дело до конца. Осадок неприятный остается после всех этих заседаний, но он сам по себе проходит, я ничего специально не делаю, чтобы он проходил быстрее. Привыкнуть, конечно, к такому нельзя, просто стараешься отвлекаться, не заморачиваться – и все проходит.

Чувство беспомощности было оттого, что некому помочь: ведь те, кто должен помогать, жестоко избивают тебя. Обида была... Не верил до конца в происходящее.

Я намерен испробовать все возможные варианты улучшения своей ситуации. Это зависит от моей воли. Поэтому я пришел к психологу. Все мои родные и друзья тоже активно настроены, морально мне помогают, чтобы я мог довести дело до конца. Такая вот моя история... Хорошо, если кому-то пригодится.

«Люди отстаивают не только свои собственные права, они заступаются за других людей»

Дэвид Денборо о принципах работы с людьми, оказавшимися в сложной жизненной ситуации

В книге «Коллективная нарративная практика» Дэвид Денборо пишет:

«Как нам следует слушать истории о страдании и откликаться на них, чтобы не только исцелять и утешать отдельного человека, но и поддерживать локальные социальные акции, направленные на восстановление справедливости,

прекращение насилия и жестокого обращения в наших с вами (весьма разнообразных) культурных контекстах? Как мы можем создать пространство признания, для того чтобы боль, скорбь и отчаяние тех историй, которые мы слышим, могли бы трансформироваться в коллективные действия? Я не имею здесь в виду ничего грандиозного, я

имею в виду локальную, осмысленную, вызывающую отклик, поддерживаемую за счет местных ресурсов в течение длительного времени социальную акцию или какой-то вклад в реформу общества.

Как подсказывает мой опыт, в рамках социальных движений люди отстаивают не только свои собственные права, они заступают-

Дэвид Денборо - социальный работник из Австралии. В начале 1990-х он работал в Лонг-Бэй, мужской тюрьме строгого режима в Сиднее, а с 1995 года он - сотрудник Далвич-центра, организации, предоставляющей услуги психосоциального сопровождения отдельным людям и группам, а также занимающейся образовательной и издательской деятельностью в русле нарративного подхода. Дэвид - ответственный редактор «Международного журнала нарративной и работы с сообществами», автор пока не изданных на русском языке книг «За пределами тюрьмы: собирая мечты о свободе» (1996), «Коллективная нарративная практика» (2008), редактор-составитель сборников «Консультирование необычных пар и семей» (2001), «Семейная терапия: Прошлое, настоящее, возможные будущие» (2002), «Нарративный подход в работе с травмой» (2006).

Дэвид работает в проектах, направленных на восстановление социальной справедливости, в Руанде, Зимбабве, Южной Африке, Чили, Аргентине, Бразилии, Палестине, Ливане, Израиле, в сообществах аборигенов Австралии, в лагерях беженцев в разных странах. Эти проекты - партнерство между Далвич-центром и местными правозащитными организациями. В 2007 году Дэвид проводил в Москве семинар по работе с сообществами.

В сфере интересов Дэвида - работа с пострадавшими от насилия, социальный активизм и искусство в его рамках (Дэвид пишет и исполняет песни, а также пишет сценарии для постановок в альтернативных театрах), создание сообществ, создание архивов историй выживания, работа с сообществами, разработка нетравмирующих методик для работы с теми, кто пережил жестокое обращение, насилие и пытки.

ся за других людей, за прошлые и будущие поколения – за всех, с кем они сами идентифицируются, пусть никогда и не встречались лично. Исходя из этого, один из возможных способов задать в нашей работе контекст для формирования и развития более широкого социального движения – это дать возможность тем, с кем мы работаем, как-то помочь тем людям, с кем они идентифицируются, что-то сделать для них, внести какой-то вклад в их жизнь.

Люди, в наибольшей степени подвергающиеся маргинализации, часто отлично понимают, что решение их проблем не будет найдено моментально... возможно, они не доживут до этого светлого часа. И, тем не менее, жизнь их становится гораздо более осмысленной, когда они пытаются что-то сделать ради будущих поколений. Исходя из этого, одним из аспектов нашей работы может быть создание контекстов, в которых местные инициативы, знания и умения одной группы людей, живущих в тяжелой ситуации, могут оказаться полезными и вдохновляющими для других групп в подобных ситуациях. Когда эти сообщества начинают осознавать, что даже если им самим плохо, они все же могут помочь другим и получить поддержку от тех, кто не понаслышке знает, каково им приходится, – это может стать стартовой точкой не только исцеления, но и социального движения.

Будучи представителями «помогающих профессий», мы не придумываем заранее, какими должны быть содержание и форма социального движения. Мы также не являемся носителями «единственно правильного способа» понимания того, каким образом более широкие социальные факторы влияют на жизнь тех людей, с кем мы работаем. Если бы мы так считали, наша работа породила бы огромное количество новых проблем. Если наша роль в культуре – быть теми, кто слушает истории о страдании и несправедливости, что мы можем сделать, чтобы наша работа способствовала не только исцелению, но и восстановлению справедливости?

Очень часто люди не одиноки в том, что им довелось пережить,

- есть более широкое сообщество, объединенное этим опытом. Однако те, кто пережил травму, как правило, чувствуют себя очень одинокими, изолированными от других людей. Мне кажется, важно разрабатывать и применять методики, помогающие преодолеть не только последствия травмы, но и последствия подобной изоляции».

Один из подобных методов, распространенный в нарративном подходе, – создание коллективных писем, собраний свидетельств, архивов историй.

Особый риск, связанный с оказанием психологической помощи пострадавшим от насилия и жестокого обращения, – это риск ретравматизации. В обыденных представлениях о психотерапии (а также в идеологии некоторых психотерапевтических школ и направлений) существует убеждение: «чтобы полегчало, сначала должно стать хуже» и «надо пройти эту боль насквозь, до самого дна». Однако вовсе не обязательно должно быть так. Если при сборе историй специально создан безопасный контекст и внимание уделяется не только тому, как именно человек пострадал, но и тем действиям, которые он предпринял или хотел предпринять ради сопротивления и самозащиты, история оказывается не «однобокой», а «двусторонней», и риск ретравматизации снижается.

В другой статье – «Сбор свидетельств пострадавших от жестокого обращения и насилия» – Дэвид Денборо пишет :

«Важно отметить, что мы записываем не только историю о том, какие именно ужасные события людям довелось пережить. Мы записываем также и то, каким образом эти люди и сообщества откликнулись на происшедшее, что они предприняли, какие поступки совершили, как люди смогли сопротивляться поруганию того, что для них важно и ценно, на что они надеялись, что помогло им вырвать свою жизнь из-под влияния травмы, а также то, откуда эти надежды и ценности пришли в их жизнь и как они на нее повлияли. В нарративном подходе это называется «двойным описанием», или «описанием с обеих сторон».

Такие «двойные описания», «описания с обеих сторон» могут быть очень полезны для самого человека, рассказывающего о том, что ему довелось пережить. Ими также можно поделиться с людьми, пережившими подобные ситуации, использовать в контексте обучения и как средство для информирования общественности – как формы более широкой политической и общественной деятельности. «Описания с обеих сторон» гораздо более увлекательны для читателя, чем одностороннее изложение травмирующих событий. Только узкий круг специалистов читает истории о пытках и насилии, но если рассказывается описание того, как человек выжил в тяжелой или даже чудовищной ситуации, эта история может обрести самостоятельную жизнь и распространиться гораздо шире. Таким образом, «описания с обеих сторон» могут способствовать более широким социальным изменениям.

Создание письменных свидетельств, которые могут быть использованы в разных контекстах, – непростая задача. Существуют способы записи последствий травмы живым и убедительным языком, без использования психиатрических терминов. В результате люди, не являющиеся профессионалами в сфере помощи, смогут лучше воспринять эту историю. Часто подобная форма записи делает историю более осмысленной и для самого рассказчика.

Очень важно, что документ этот предоставляется рассказчику, который проверяет, правильно ли с его слов записана его история».

О проблеме пыток в российской милиции говорят люди, которые пережили пытки и жестокое обращение

Мы посчитали важным узнать у людей, переживших пытки, что они думают о проблеме пыток в стране, в чем видят причины, из-за которых сама ситуация, когда человека могут подвергнуть жесткому обращению и пыткам, становится возможной. Нам представляется значимым именно тот факт, что рассуждения людей, переживших пытки и жестокое обращение, основаны не на сведениях, во множестве представленных в СМИ, а на личном, хоть и безрадостном, опыте переживания и преодоления пыток. Мы публикуем комментарии этих людей, совершенно не вмешиваясь в их

высказывания и, тем более, не давая их точке зрения оценки. Мы убеждены в том, что точка зрения пострадавших должна занимать равное положение в ряду экспертных мнений и комментариев.

Ответы пострадавших представляют собой существенную часть «палитры» обращений в правозащитные организации: среди этих людей - и вдова, отстаивающая необходимость наказания убийц супруга; и несправедливо задержанная и избитая молодая женщина; и человек, лишенный идентичности (под его именем похоронили неопознанный труп); и человек, не-

санкционированно помещенный в психиатрическую клинику; и человек, из которого «выбивали» признание в совершении преступления.

Ответы очень разные, это взгляды с разных сторон, отражающие как опыт взаимодействия с правоохранительными органами, так и специфику мышления и мировосприятия людей. Ответов немного, поэтому было бы неверно делать обобщения. Но, по опыту общения с десятками пострадавших, можно сказать, что в целом эти ответы созвучны позиции многих обращающихся за помощью в правозащитные организации.

О том, как и для чего собирались истории

Представленные здесь истории были собраны в рамках программы Фонда «Общественный вердикт» по психологическому сопровождению людей, переживших пытки и жестокое обращение. Эта программа действует с 2007 года. Одной из основных ее целей является оказание психологической помощи пострадавшим и их близким в формате индивидуальных консультаций и встреч с семьей. Однако важным аспектом психосоциальной помощи также является создание контекста, в котором люди, преодолевающие последствия травмирующей ситуации, получают возможность помочь другим, оказавшимся в сходных обстоятельствах. Знание о том, что можно внести ценный вклад в жизнь других людей, укрепляет способность влиять на собственную жизнь, т.е. позицию, противоположную позиции «беспомощной жертвы». Организованные определенным образом сбор и распространение историй, в частности, и создают такой контекст, где люди, помогая другим, помогают себе.

Четверо обученных психологов-интервьюеров отправились в Краснодар, Новокузнецк и Сыктывкар, где общались с потерпевшими и собирали истории в фор-

мате «описания с обеих сторон». В работе участвовали также психологи на местах - в частности, в Абакане, в Москве и Московской области. Психологи объясняли потерпевшим, зачем нужен сбор подобных историй и как они в дальнейшем будут использоваться. После этого люди выражали активную заинтересованность в участии в проекте. Они сообщали о том, как важна для них не только собственно юридическая или психологическая помощь, но и моральная поддержка правозащитников и психологов, то, что их жизненная ситуация, страдание и борьба за справедливость важны не только им самим, но и другим людям.

Записанные истории можно - с разрешения авторов - делать доступными более широкому сообществу. Они могут вызвать у читателей отклик, который, в свою очередь, можно передать автору истории. Ниже приведены два письма (из десятков), полученных в ответ на одну из историй (она была опубликована на сайте Фонда «Общественный Вердикт» и прочитана на конференции в одном из центров социального развития и адаптации).

«Здравствуйте!

Я услышала Вашу историю, и больше всего меня впечатлило то, как Вы думали о маме, как она увидит

Как вы считаете, происшедшее с вами типично только для нашей страны и нашего времени, или в других странах и в другие периоды времени тоже случалось подобное?

О.: «Такого, как мне кажется, в цивилизованных странах быть не может. И раньше в нашей стране такого предела не было, это не позднее».

Л.: «Раньше, когда я сталкивалась с такими делами, мне всегда казалось, что просто потерпевшие не обращались куда надо или опускали руки. Теперь я считаю, что слишком велик у нас простор для коррупции, для злоупотребления властью».

П.: «Я думаю, что такие случаи типичны не только для нашей страны, однако в нашей стране значительно хуже с произвольными практиками правоохранительных органов, так как в других странах больше действует закон, а не коррупция. Хорошие сотрудники ушли из правоохранительных органов, а новые не хотят работать. Недаром Президент РФ Д.А. Медведев сказал: «Коррупция там, где погоня»».

Е.: «Я думаю, что такие случаи нередки и в других странах».

Т.: «В такой степени, мне кажется, это типично именно для нашей страны, и более того – именно для нашего года».

Как вы для себя обозначаете то, что вам пришлось пережить? Какой термин ближе к вашему опыту: «насилие», «жестокое обращение», «произвол», «пытки», еще какой-то? Почему?

О.: «Я бы не стал называть то, что мне довелось пережить, пытками. Пытки – это насилие, санкционированное законом, с определенной целью - например, получить информацию о вражеских планах. То, что со мной сделали, – это насилие вне закона, произвол и жестокое обращение».

Л.: «Считаю, что это жестокое насилие над личностью. Все можно и нужно было решить мирным путем, как и предлагал убитый мой супруг, а дело волокитилось и было прекращено. Никто из сотрудников правоохранительных органов не стал доводить дело до конца».

П.: «Это чистой воды произвол со стороны правоохранительных органов, так как они не хотят работать как следует».

Е.: «Произвол, насилие, жестокое обращение. Никто не позволял сотрудникам правоохранительных органов унижать личность, причинять телесные повреждения».

К.: «Это произвол».

Т.: «Произвол и беспредел».

Как вы считаете, в силу чего подобное обращение с людьми может существовать? Что его поддерживает в обществе, в государстве?

О.: «Во-первых, сокрытие преступлений. Во-вторых, несоблюдение законов. В-третьих, то, что люди запуганы и не верят, что у них есть какие-то права».

Л.: «Сотрудники правоохранительных органов чувствуют вседозволенность и безнаказанность. А люди не верят в возможность доказать свою правоту».

П.: «Это, мне кажется, характерная для России в целом халатность: вместо того чтобы делать как следует - прощупать на несуществующие вещи. Чтобы меньше работать и больше получать».

Е.: «Считаю, что это проблема нашего общества. В милиции мало платят, и туда идут работать много «моральных уродов», которые, получив немного власти, начинают издеваться над людьми».

К.: «Этот произвол может существовать в силу несовершенства нашего законодательства».

Т.: «Ситуация поддерживается, с одной стороны, чиновниками, а с другой – самим обществом».

Р.: «У нас нет разделения властей. Если бы были независимые суды, то они вынесли бы приговор по закону».

Вас после всего. Возможно, и даже скорее всего, это потому, что я - мама семи мальчиков. И один из моих подростков однажды вызвал на себя гнев милиционеров, бросив в их машину ледышку, после того как его и еще двух мальчишек эта машина чуть не сбила.

И зная, как легко можно попасть в ситуацию избития милиционерами, я в то же время знаю, как трудно доказать это. Ваша активность, Ваши действия после происшедшего очень отозвались во мне - появилась вера в то, что восстановить справедливость возможно. И то, что Вы продолжаете бороться, хотя лично Вам это приносит страдание, говорит мне о многом Вашем мужестве. Ваша победа в этом судебном процессе остановит не только тех, кто избивал Вас, но и других сотрудников этого отделения, а возможно, и других отделений. А если эта история будет предана гласности, то, возможно, и другие потерпевшие найдут в себе силы действовать в свою защиту. Я - по крайней мере, до знакомства с Вашей историей - считала, что не буду «бороться с ветряными мельницами», если подобное произойдет в моей семье. Теперь - буду. Спасибо вам за Ваше мужество и победы Вам!

А., 40 лет, мама и приемная мама».

«Здравствуй!

Меня зовут Таня. В твоей истории мне показалось очень важным, что ты стал бороться за свои права, несмотря на то что ситуация выглядела безнадежной. Я согласна с тобой в том, что чем меньше таких ситуаций оказываются безнаказанными, тем больше шансов, что когда-нибудь мы будем жить в справедливом обществе, не бояться и уважать себя и других. В моей жизни были ситуации, когда я не могла постоять за себя. То, что ты борешься за справедливость, отчасти реабилитирует и меня, а также вдохновляет меня бороться за себя и за то, что дорого, чего бы это ни стоило.

Спасибо».

Эти (и остальные) письма были переданы авторам историй – реальное подтверждение, что история не была рассказана «в пустоту», а так или иначе значимым образом повлияла на жизнь других людей.

Дарья Кутузова
кандидат психологических наук,
психолог Фонда «Общественный вердикт»

Но у нас этот институт не работает, он «прилип» к исполнительной власти. В Конституции это прописано, но на практике его нет. Надо изменить уголовно-процессуальное законодательство так, чтобы любые сведения, сообщенные гражданином на следствии, даже в присутствии защитника, либо полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, если он на суде от них откажется, считать недопустимыми. То есть одного отказа у судьи достаточно, чтобы их считать недопустимыми - и тогда для оперов не будет смысла выбивать их, пытаться людей, чтобы получить признание».

Почему важно, чтобы такое обращение с людьми перестало существовать? Какие ценности и права оно подвергает поруганию?

О.: «В первую очередь, поруганию подвергается право на жизнь».

Л.: «Насилие – это преступление. И если нет справедливости, то насилие порождает насилие».

П.: «Человек, его права и свободы – высшая ценность, которую должно охранять и защищать государство. Нужно, чтобы сотрудники правоохранительных органов работали как следует, чтобы ничего и никого не боялись, не были зависимы, были честными и неподкупными».

Е.: «Никто не имеет права нарушать право личности на неприкосновенность, устраивать самосуд».

К.: «Каждый должен надлежащим образом выполнять свою работу».

Т.: «Чтобы была справедливость, не было ущемления прав граждан».

Как вам кажется, что можно и нужно было бы изменить в устройстве правоохранительной системы, в средствах массовой информации, в законах и в общественном сознании, чтобы подобное обращение с людьми перестало существовать?

О.: «Чтобы средства массовой информации не принадлежали государству, не контролировались государством. Открыто писать о преступлениях и не скрывать их. И сделать так, чтобы в правоохранительных органах не было круговой поруки, поддерживающей безнаказанность».

Л.: «Рыба, как говорится, гниет с головы. Если насилие не было наказано и люди не смогли доказать свою правоту, то такое же насилие может повториться. Удивительно, что те, кто осуществляет насилие, не верят, что так же кто-то может поступить и с ними – унижить и уничтожить. А хорошо бы им было это знать».

П.: «Нужно вернуть в правоохранительные органы старые кадры, а новые заставить работать путем усиления их ответственности. Д.А. Медведев сказал, что в РФ невозможные масштабы коррупции, с которой нужно бороться».

Е.: «Считаю необходимым устраивать более жесткий отбор в правоохранительные органы по морально-этическим качествам. Необходимо усилить ответственность за сокрытие

преступлений, не допускать сокрытия преступлений со стороны надзирающих органов».

К.: «Нужно усилить ответственность лиц, которые должны содействовать правосудию, но не исполняют это».

Т.: «Нужно ужесточить законы».

Если бы вы могли обратиться с призывом к таким же, как вы, пострадавшим от произвола, а также к общественности и к профессионалам – юристам, политикам, к чему бы вы призвали каждую из этих групп людей?

О.: «Пострадавшим и общественности сказал бы: не молчите! И всех бы призвал знать и соблюдать законы».

Л.: «Я бы призвала органы правопорядка лучше разбираться в мотивах преступлений, не покрывать преступников, наказывать по справедливости. Потерпевшим желаю набраться терпения и не опускать рук до последней инстанции, а там уж как Бог даст, если после всего душа не очерствела».

П.: «Я бы сказал: «Давайте жить дружно, жить по-честному: не красть, не воровать. Давайте быть порядочными людьми»».

Е.: «Потерпевшим советую не опускать руки; Общественности – не закрывать глаза на подобные поступки. Юристам, политикам необходимо расшевелить это «осиное гнездо», то есть правоохранительные органы, для того чтобы проверки проводились надлежащим образом, не было сокрытий преступлений».

К.: «Я бы хотел призвать потерпевших бороться за свои права».

Т.: «Политикам – сделать законы более суровыми для сотрудников правоохранительных органов, которые нарушают права граждан. Юристам – выполнять требования законов».

Р.: «Президента можно призвать только к одному: учи, читай и повторяй, что такое демократия, и следуй этим постулатам. А представители власти пусть каждый вечер в течение года смотрят фильмы про концлагеря – может быть, что-то человеческое в них проснется».

Материал подготовлен Дарьей Кутузовой

ДЕЛА ФОНДА «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ»

Дела Фонда – это те дела, которые поступили в нашу организацию непосредственно от потерпевших и по которым «Общественный вердикт» работает самостоятельно. Часть дел была взята в производство Фонда после проверки информации, размещенной в СМИ. По таким делам Фондом также самостоятельно и/или с привлечением адвокатов ведется работа по восстановлению прав граждан.

Обычное милицейское убийство?

Зоя Светова, обозреватель газеты «Новые известия», специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Безнаказанность и отсутствие понятия «пытка» в российском законодательстве приводит к тому, что российские милиционеры по-прежнему применяют пытки к задержанным и подследственным.

Обыкновенная трагедия

11 октября 2006 года в Немчиновское отделение милиции Управления внутренних дел по Одинцовскому району Московской области за совершение административного правонарушения был доставлен Курепин Игорь Валентинович, 1975 года рождения, формально не работавший, но неофициально работавший на стройке.

11 октября 2006 года в камере административно задержанных в помещении Немчиновского отделения милиции был обнаружен труп Игоря Валентиновича Курепина.

В этих двух сухих сообщениях уместилась целая жизнь, человеческая трагедия. По факту смерти было воз-

буждено уголовное дело, проведена проверка. Была установлена причина смерти - асфиксия. Следствие решило, что Курепин покончил с собой, повесившись на собственных брюках.

«Вполне возможно, что произошла инсценировка самоповешения, - говорит юрист Фонда «Общественный вердикт» Яков Ионцев. - Во-первых, свидетели, опрошенные следствием, дали противоречивые показания, поэтому возникает вопрос: рассказывают ли они о том, что было на самом деле, или излагают какую-то непроработанную версию, навязанную им извне? Во-вторых, на брюках, на которых, по версии следствия, повесился задержанный Курепин, не были обнаружены микрочастицы кожи умершего. Известно, что при повешении петля оказывает довольно сильное давление, и если человек затянул петлю, то у него на шее должны образоваться ссадины. И в любом случае на петле тоже должны остаться микрочастицы кожи».

Яков Ионцев не верит в версию самоубийства еще и потому, что, судя по материалам дела, на шее Курепина не обнаружена странгуляционная бо-

Фото: Светлана Марусеева

розда, характерная для повешенных. Юрист Фонда «Общественный вердикт» внимательно изучил фотографии погибшего.

«Даже на фотографиях видны ушибы, рассечения, следы, напоминающие ожоги. На передней стороне голени имеются ссадины. На коленях есть гематомы. Эти фотографии заставляют меня предположить, что на самом деле смерть Курепина могла быть вызвана асфиксией, но причиной асфиксии, скорее всего, было то, что к задержанному могли применить пытки», - объясняет Яков Ионцев.

Инсценировка самоубийства

Почему юрист Фонда «Общественный вердикт» сомневается в результатах следственной проверки? Почему

А милиция мне ничего не сообщила. Старший сын, Руслан, который работает в Москве, взял машину, привез тело Игоря к нам в поселок. На похороны пришло много людей. Пришли мои знакомые врачи. Они посмотрели на Игоря и уверенно сказали: «Повешенные так не выглядят».

он не верит в версию о том, что 31-летний Игорь мог повеситься на своих собственных брюках в комнате для административно задержанных? Прежде всего, непонятно, что могло подвигнуть молодого человека, который приехал в Московскую область из Ростовской области на заработки, регулярно созванивался со своей матерью и братом, на то, чтобы свести счеты с жизнью. О том, что у Игоря когда-то были суицидальные попытки, ничего не известно. Во всяком случае, мать Курепина, Нина Ивановна, ни на минуту не верит в самоубийство сына.

Сегодня, когда со дня гибели Игоря прошло уже почти три года, очень трудно будет доказать, что причиной его смерти было не самоубийство, а убийство. Даже если мать добьется эксгумации трупа, независимой экспертизы, необходима очень большая настойчивость, внимание СМИ, общественности, чтобы добиться возбуждения уголовного дела.

«О том, что Игорь умер, я узнала от его приятеля Вершинина, - рассказывает она. - Вершинин тоже из наших мест. Работал вместе с сыном на стройке. Его задержали вместе с сыном 8 октября, отвели в отделение милиции, где они провели три дня. О том, что с ними там происходило, Вершинин мне ничего не рассказывал. Он просто сообщил моему старшему сыну, что Игорь умер. А милиция мне ничего не сообщила. Старший сын, Руслан, который работает в Москве, взял машину, привез тело Игоря к нам в поселок. На похороны пришло много людей. Пришли мои знакомые врачи. Они посмотрели на Игоря и уверенно сказали: «Повешенные так не выглядят». А у меня было такое впечатление, что он просто уснул и спит очень благобно, спокойно».

Вглядываясь в изуродованное лицо сына, Нина Иванова заметила, что тот был сильно избит. На руках и на ногах она увидела следы от ожогов.

«Мы живем в небольшом поселке

Усть-Донецкий Ростовской области, - рассказывает Нина Курепина. - Здесь нет работы. Поэтому Игорь и ездил на заработки в Московскую область. Он умел все делать руками, работал на стройке. Клад плитку и асфальт. Ума не приложу, что могло случиться, за что его задержали. Когда мой старший сын Руслан приехал в отделение милиции за телом брата, он спросил у начальника криминального отдела, что произошло. Тот ответил, что ничего криминального сын не совершил. Его просто «административно задержали». Почему? Вроде бы в магазине пропал батон хлеба и колбаса. И в магазине же нашли куртку Игоря с документами и военным билетом. Может быть, из-за этого его стали подозревать в краже?».

Нина Ивановна рассказывает, что Вершинин даже не пришел на похороны Игоря Курепина. Она сама с ним встретила уже после похорон и пыталась что-либо узнать. Но он ничего не говорил. Нине Ивановне показалось, что Вершинин чем-то сильно напуган.

Попытка материнского расследования

Мать Игоря Курепина пыталась узнать подробности о последних днях жизни сына и выяснить, почему он погиб. «Я звонила в Немчиновское отделение милиции, - вспоминает она. - Разговаривала со всеми милиционерами. Спрашивала, за что задержали сына. Они говорили, что за нарушение административного порядка. Спрашивала: «Почему у него все лицо избито?». Этот вопрос вызвал у милиционеров смех.

«Разве это называется «избитое лицо»? У него просто царапины», - отвечали они мне.

Нина Ивановна писала жалобы, обращалась к Уполномоченному по правам человека при Президенте России, обращалась в Общественную палату. Но все ее заявления пересылались обратно в Немчиновское отделение милиции. В возбуждении уголовного дела было дважды отказано.

Нина Курепина надеется, что юристы Фонда «Общественный вердикт» помогут ей докопаться до правды в деле сына и наказать виновных в его смерти. В таком деле было бы важно провести независимую экспертизу. Сегодня, когда со дня гибели Игоря прошло уже почти три года, очень трудно будет доказать, что причиной его смерти было не самоубийство, а убийство. Даже если мать добьется эксгумации трупа, независимой экспертизы, необ-

ходима очень большая настойчивость, внимание СМИ, общественности, чтобы добиться возбуждения уголовного дела.

Нина Ивановна уже не молода. Вместе с мужем - бывшим военнослужащим, с которым они вместе прожили много лет, переезжая с места на место (муж служил в Кутаиси, в Германии, в Грозном) - они теперь вместе воспитывают своего девятилетнего внука Андрея - сына погибшего Игоря.

«Мы хотим Андрюшу усыновить, - признается Нина Ивановна. - Это самая главная память об Игоре».

Как пытки становятся рутинным занятием

История гибели задержанных в отделении милиции, к сожалению, не является чем-то из ряда вон выходящим. В последнее время мы узнаем все больше и больше историй о том, как сотрудники милиции выбивают признательные показания, пытаются задержанных, требуя от них явку с повинной. Такие случаи очень трудно подтвердить, потому что если тем, кто подвергается пыткам и всякого рода мучениям, все-таки удастся вырваться из рук мучителей, им не всегда удастся убедить прокуратуру в том, что они правы. Как правило прокуроры остаются глухи к такого рода жалобам. В лучшем случае по заявлениям пострадавших проводят прокурорские проверки, а потом бодро сообщают, что «факты, изложенные в вашем заявлении, не подтвердились».

Что же касается конкретного «дела Курепина» - это абсолютно тупиковая история. Можно только догадываться, что произошло с Игорем в те три дня, что он находился в отделении милиции. Об этом, конечно, мог бы рассказать его приятель Вершинин. Но он молчит, как будто бы набрал в рот воды. Вполне возможно, что от Игоря требовали признать свою вину в кра-

Этот вопрос вызвал у милиционеров смех. «Разве это называется «избитое лицо»? У него просто царапины», - отвечали они мне.

же из магазина, а заодно, может быть, хотели «повесить» на него какие-то другие нераскрытые преступления. Он отказывался. Его стали избивать, могли надеть на него противогаз (это очень распространенная пытка в милиции) и, как предположил юрист Фонда «Общественный вердикт», «по неосторожности задушили в противогазе». Потом уже пришлось инсценировать самоубийство - самоповешение на брюках.

Излишне говорить, что в милиции, как правило, существует круговая порука. Поэтому, скорее всего, и одинцовские милиционеры постарались замаять дело и не выдали своих коллег, которые могли быть виновными в гибели Игоря Курепина. Решающую роль тут сыграл и тот факт, что Курепин был не местным, он приехал из Ростовской области, и милиционеры предположили, что за него никто особенно вступаться не будет.

Недавно ко мне попала копия заявления прокурору Одинцовского района Московской области Виктору Захарову от Дмитрия Бегрова. Он жалуется на то, что оперативники под пытками выбили у него «явку с повинной». Как мы помним, Курепина пытались обвинить в краже, а на этого человека «повесили» убийство двух мигрантов.

Дело тоже происходило в Одинцовском районе Московской области.

Очевидно одно: два года назад никто не был наказан за странное «самоубийство» Игоря Курепина, и эта безнаказанность - в ряду прочего - приводит к тому, что пытки в милиции продолжают...

Только не в Немчиновке, а недалеко от Звенигорода. И случилось это через два года после того, как при невыясненных обстоятельствах в отделении милиции умер Игорь Курепин.

«Меня сразу провели в отдельный кабинет и начали допрашивать с применением противогаза, перекрывая мне доступ воздуха. Применив специальное устройство, подсоединили к моим ушам клипсы с проводами. Пытали около двух часов, - так пишет прокурору Виктору Захарову Дмитрий Бегров. - Боясь за свою жизнь и не имея больше возможности терпеть издевательства, после того как оперативник подсоединил устройство, бьющее то-

ком, к моим половым органам, я дал признательные показания».

В этом заявлении названы имена, фамилии и должности всех оперативных сотрудников, которые выбивали у этого человека признательные показания.

Как отреагирует на это заявление прокурор? Сможет ли он провести объективную проверку или поверит тем оперативникам, которые, очевидно, будут отрицать все, что написано в жалобе? Кстати, Дмитрий называет и имена тех оперативников, которые не поверили в его виновность и вроде бы его «морально поддерживали». Впрочем, эта «моральная поддержка» не помешала им закрыть глаза на применение недозволённых, чудовищных методов ведения следствия.

Впереди у Дмитрия суд. Там он наверняка расскажет, как у него выбивали «явку с повинной». Но поскольку чистосердечное признание у нас по-прежнему - «царица доказательств», трудно надеяться, что судья прислушается к словам подсудимого, обвиненного в двойном убийстве.

Очевидно одно: два года назад никто не был наказан за странное «самоубийство» Игоря Курепина, и эта безнаказанность - в ряду прочего - приводит к тому, что пытки в милиции продолжают...

ДЕЛА «В СОВМЕСТНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ»

Фонд активно взаимодействует с региональными партнерскими организациями. Нередко, для повышения эффективности расследования и для скорейшего восстановления нарушенных прав потерпевших, партнерские организации направляют собранные материалы в «Общественный вердикт» для рассмотрения на Правлении организации. После резолюции Правления о том, что дело принимается в производство Фонда, начинается совместная с региональной организацией работа по восстановлению нарушенных прав граждан. Здесь мы рассказываем о некоторых делах, каждое из которых имело широкий резонанс и потребовало от правозащитников объединения своих усилий.

Нет кошелька – отправляйся в «обезьянник»

Александр Шварев, корреспондент ИА «Росбалт», специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Вот уже больше чем полгода Татьяна Петрова, 23-летняя молодая жительница Новокузнецка, пытается добиться, чтобы издевавшийся над ней несколько часов сотрудник милиции понес наказание. Девушку обокрали, она осталась без денег и документов

и в такой ситуации закономерно могла бы рассчитывать на помощь правоохранительных органов. Однако в милиции ей пришлось пережить унижительный обыск, избивание, заточение в «обезьянник». Более того, несчастную само попытались выставить наруши-

тельницей общественного порядка. Не сумев своими силами найти управу на милиционера-обидчика, девушка обратилась за помощью к правозащитникам.

У подруги Татьяны Петровой 6 сентября 2008 года был день рождения,

00 до 06⁰⁰ УТРА', and 'АДРЕС: ШУНКОВА, ЗА, ТЕЛ.: 37-48-69'. There is a 'mister STUX' logo on the right side of the ad."/>

STUX night club

АНТИКРИЗИС!!!

- ♥ **БЕСПЛАТНЫЙ ВХОД - КАЖДЫЙ ДЕНЬ**
- ♥ **ВОДКА - 30 РУБ.**
- ♥ **ПИВО - 50 РУБ.**
- ♥ **СИГАРЕТЫ - ЦЕНЫ КАК В КИОСКЕ**
- ♥ **ВЕСЁЛЫЕ ШОУ - КАЖДЫЙ ДЕНЬ**
- ★ **ПТ. СБ. ВХОД В "СТУХ" - 300 РУБ.**

ТЕПЕРЬ ВЕСЕЛЕЕ И ДЕШЕВЛЕ!!!

КЛУБЫ РАБОТАЮТ ЕЖЕДНЕВНО
с **21⁰⁰** до **06⁰⁰** УТРА
АДРЕС: ШУНКОВА, ЗА, ТЕЛ.: 37-48-69

mister **STUX**

счастливой, что она задержана. При этом причину применения такой меры прапорщик объяснять не стал - он просто привел молодую симпатичную девушку в опорный пункт и начал проводить ее личный досмотр. «Досмотр проводился не женщиной, без положенных в таких случаях понятых одного с задержанной пола, без составления протокола, - отмечают в «Общественном вердикте». - Это является грубым нарушением Кодекса об административных правонарушениях».

Убедившись в том, что у Татьяны нет при себе ничего опасного или противозаконного, милиционер просто препроводил ее в камеру для административно задержанных, которую еще называют «обезьянником». На все попытки Татьяны выяснить, за что ее, собственно, задержали и отказываются выпускать, прапорщик, по словам девушки, отвечал грубостью. В какой-то момент, Петрова, видимо, совсем допекла Чурилова своими вопросами. Он зашел в «обезьянник» и несколько раз ударил Татьяну кулаком по лицу. При этом несчастная, как она позже указала в своем заявлении, почувствовала, что от милиционера исходит сильный запах алкоголя.

Под утро на лице Петровой начали проявляться следы общения с представителем правопорядка. К этому времени и сам Чурилов, видимо, начал приходить в себя, позвав для решения «возникшей проблемы» своего коллегу, личность которого не установлена до сих пор. По данным Фонда, посоветовавшись, милиционеры затолкали перепуганную девушку в частный автомобиль и повезли в медицинский вырезатель № 2 Новокузнецка. Дежуривший там врач, не задумываясь, поставил диагноз: Петрова находится в состоянии алкогольного опьянения. При этом он, как указывает Татьяна, даже не взял у нее пробы крови на алкоголь. Единственная польза, которую получила девушка от поездки к медикам, - это возможность позвонить по телефону родителям, которые уже места себе не находили из-за отсутствия дочери. Отец Татьяны сразу бросился к дежурному РОВД Кузнецкого района, которому сообщил о случившемся. Отец Татьяны доказывал, что пьяные,

который молодые люди справляли в ночном клубе «Стикс» Новокузнецка. Девушки плясали, веселились, а когда вернулись к столикам, то обнаружили, что в их вещах покопались воры. В частности, у Татьяны пропала сумка с деньгами, мобильным телефоном, документами. Вечер был испорчен, и расстроенная гостья решила поехать домой. У клуба она поймала попутку, а в дороге рассказала водителю о своих неприятностях. С этого и начались злоключения Татьяны. Как рассказали в Фонде «Общественный вердикт», шофер объявил, что кошельки у пассажирки украли деньги и платить ей нечем, то он отвезет ее обратно к клубу. Сам же почему-то повез Татьяну к ближайшему опорному пункту милиции. Видимо, здесь шофер бывал и раньше, по крайней мере, он быстро нашел общий язык с дежурившим милиционером. (Как позже выяснилось, им являлся прапорщик Чурилов). Водитель

эмоционально рассказал, что «обнаглевшая» клиентка не хочет платить за проезд, а прапорщик сразу направился к уставшей и расстроенной пассажирке. Татьяна, возможно, надеялась, что сейчас сотрудник правоохранительных органов предложит ей написать заявление о пропаже вещей, но она сильно ошибалась. По данным Фонда, не представившись, милиционер в грубой форме потребовал от Татьяны выйти из машины, а на улице объявил не-

Девушку обокрали, она осталась без денег и документов и в такой ситуации закономерно могла бы рассчитывать на помощь правоохранительных органов. Однако в милиции ей пришлось пережить унижительный обыск, избиение, заточение в «обезьянник».

по его мнению, милиционеры измываются над дочерью в опорном пункте, но понимания не встретил.

Только в восемь утра, после более шести часов заточения, Татьяну доставили в РОВД. Причем привезли ее уже с материалами, обосновывающими задержание. Из них можно было узнать историю совсем иную, нежели сообщила Петрова. Сотрудники опорного пункта подробно расписали, как пьяная девушка вначале отказалась платить таксисту, потом обругала матом милиционеров. При попытке препроводить Татьяну в опорный пункт она оказывала яростное сопротивление и фактически сама избивала несчастного прапорщика Чурилова. Впрочем, разбираться во всех этих нюансах у Петровых в тот момент не было ни времени, ни сил. Татьяна почувствовала себя плохо, в РОВД была вызвана «Скорая», врачи зафиксировали побои, рекомендовали девушке госпитализацию. Однако ее все равно оставили в отделении ровно до тех пор, пока она не подписала обязательство явиться в РОВД для рассмотрения административного материала.

Акт судебно-медицинского обследования Петровой был составлен 8 сентября. В акте зафиксировано, что за ночь, проведенную в опорном пункте, девушка получила следующие повреждения: кровоподтеки и ссадины, кровоизлияния верхней губы, поверхностные ушибленные раны и т. д. Пока Татьяна вместе с родственниками готовила заявление о ее незаконном задержании и избиении милиционером, мировой суд рассмотрел материалы в отношении девушки. В результате ее привлекли к административной ответственности и присудили штраф в 1000 рублей. Стало очевидным, что в такой ситуации самим Петровым не удастся справиться со всеми этими юридическими тонкостями, поэтому они обратились за помощью в «Южно-Сибирский правозащитный центр», а затем в Фонд «Общественный вердикт».

В результате в октябре 2008 года Кузнецкий районный суд отменил постановление мирового суда о привлечении Татьяны к административной ответственности, посчитав, что изложенные милиционерами обстоятельства бездоказательны. Также райсуд прекратил производство по делу в отношении девушки. Гораздо сложнее оказалось доказать, что Петрова сама стала жертвой милицейского произвола.

Татьяна сразу после случившегося написала заявление в Следственный отдел по Новокузнецку СУ СКП РФ по Кемеровской области. В нем девушка просила привлечь к ответственности должностных лиц УВД Кузнецкого района - в частности, прапорщика Чурилова - по статье 286 УК РФ (превышение

Не дана правовая оценка и тому обстоятельству, что милиционер в нарушение закона досматривал Елену, составлял документы о якобы совершенном ею административном правонарушении – мелком хулиганстве, которые не только не умел составлять, но и не был уполномочен это делать

должностных полномочий). Однако изложение фактов, изложенных потерпевшей, не заняло у правоохранительных органов и десяти дней. Уже 19 сентября следователь Кудинов уведомил Татьяну, что он провел проверку и принял решение отказать в возбуждении дела на основании п.1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием **события** преступления.

Первый заместитель руководителя Следственного отдела Ткач постановление своего подчиненного отменил и отправил материалы на дополнительную проверку. Но уже 3 октября все тот же следователь Кудинов объявил Татьяне, что в возбуждении дела отказано по прежним основаниям. Правозащитники, изучив материалы, нашли в них серьезные нестыковки. В частности, во второй раз дело возбуждать не стали, ссылаясь на п.2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие **состава** преступления), однако Кудинов зачем-то скрыл информа-

цию о смене пункта статьи УПК в отказном документе. Еще больше претензий у правозащитников к качеству работы новокузнецких следователей.

В отказном постановлении приводятся только пояснения, которые дали в ходе проверки сама Татьяна, водитель Кондратенко – тот, который подвозил девушку после клуба и в итоге привез в злополучный опорный пункт, и сотрудники милиции - Чурилов и Садретдинова. Трое из них явно заинтересованы в том, чтобы уголовное дело не возбуждалось. «Больше никаких действий, направленных на полное, всестороннее и объективное установление обстоятельств, нет, – сообщили в Фонде. – При этом на основании противоречивых данных, содержащихся в объяснениях сотрудников милиции, делается явно незаконный, необоснованный и немотивированный вывод о том, что в действиях Чурилова не усматривается состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), а также иного состава преступления».

Однако еще большее изумление у правозащитников вызвала новая версия появления синяков у Татьяны. Из постановления Следственного отдела следует, что Петрова не была избита милиционером и даже не поранилась, оказывая прапорщику «активное сопротивление», а просто получила «повреждения в результате несчастного случая при падении». Поэтому-то Следственный отдел и отказывает в возбуждении уголовного дела в отношении Чурилова по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава преступления).

«Из постановления не видно, что следователь проверял, что Чурилов находился при исполнении служебных обязанностей, что он имел право задерживать Петрову и что у него на это были законные основания, в том числе

– помещать ее в камеру для административно задержанных, – отмечают в «Общественном вердикте». – Не дана правовая оценка и тому обстоятельству, что милиционер в нарушение закона досматривал Татьяну, составлял документы о якобы совершенном ею административном правонарушении – мелком хулиганстве, которые не только не умел составлять, но и не был уполномочен это делать».

В результате вот уже более полугода Татьяна Петрова и правозащитники пытаются добиться начала расследования в отношении прапорщика, но всякий раз они сталкиваются с нежеланием следственных органов возбуждать дело: соответствующие отказные постановления были подписаны 20 марта, потом 28 апреля 2009 года. На днях руководитель Следственного отдела удовлетворил очередную жалобу

пострадавшей и направил материалы на новую проверку. Чем она закончится и будет ли, наконец, возбуждено дело – пока неизвестно. Одновременно правоохранительные органы занялись и водителем Кондратенко, занимавшимся частным извозом без каких-либо лицензий и отправлявшим несговорчивых клиентов прямо в милицию. Материалы в отношении шофера изучает местный УБЭП.

Армейский магазин

Рената Пеннер, корреспондент ИА «Город Новостей», специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

«Майор-работорговец», «Призыв в неволю», «Работорговля в армии» – такими заголовками пестрела региональная и центральная пресса весной 2009-го. Новость о том, что заместитель командира воинской части за мзду раздает солдат-срочников местным бизнесменам, особенно никого не поразила. Удивило другое – то, что дело, наконец, дошло до суда.

Александра Зиборова призвали в армию в мае 2007 года из родного Петропавловска-Камчатского. После «учебки» направили в часть № 21809, расположенную в Хабаровском крае. Доставить его к месту службы должен был заместитель командира по воспитательной работе майор Геннадий Прохоров. Но вместо этого солдат оказался в Хабаровске, в доме предпринимателя Константина Лаптева, и в полном его распоряжении. Сашу Зиборова просто продали. Причем он оказался не первым и не последним пленником Лаптева.

Этот деловой человек был знаком многим военнослужащим края. Его официальный бизнес состоял в том, чтобы фотографировать солдат – для личного дела и дембельского альбома. Кроме того, Лаптев открыл в себе еще и талант психолога. Так дополнительным поводом для его появления в частях стало проведение психологических тести-

Дача, на которой незаконно содержался Александр Зиборов.
Фото: Хабаровский правозащитный центр

рований новобранцев. Посторонний, в общем-то, человек беспрепятственно проникал на закрытую территорию и, как выяснится позже, имел большое влияние на воинское руководство.

Четыре месяца Зиборов жил в доме

Лаптева, работая одновременно и прислугой, и уборщиком, и помощником фотографа. Со временем круг его обязанностей расширился. Иногда уставший хозяин просил молодого человека сделать ему «массаж». Когда просьбы стали более настойчивыми, а слуга – непослушным, дошло до рукоприкладства. Лаптев избивал Зиборова, постоянно его оскорблял. В апреле 2008 года Александру удалось сбежать домой, на Камчатку, где он обратился в гарнизонную прокуратуру. Его оставили служить в Петропавловске-Камчатском, а по сведениям о «продаже» солдата назначили проверку, которая ничего не подтвердила. И вскоре из Хабаровска прилетел старший офицер отдела воинской дисциплины Управления воспита-

Правозащитникам пришлось обращаться к главам военной прокуратуры и Следственного комитета. Звонки Сергея Фридинского и Александра Бастрыкина заставили хабаровских блюстителей закона возбудить уголовное дело в отношении предприимчивого офицера.

тельной работы ДВО и вернул Зиборова обратно, в ту же самую «родную» часть № 21809.

Лаптев Сашу не забыл и не оставил его в покое. Решив, что беглый холоп хозяину остался должен (вероятно, за кров и хлеб-соль), фотограф начал его шантажировать. Подошел к этому делу серьезно и издалека: в отношении Зиборова возбудили уголовное дело якобы за избиение сослуживца (позже свидетели показали, что все было сфабриковано под диктовку Лаптева). За прекращение дела Лаптев потребовал у Сашиной мамы триста тысяч рублей. Солдатская мать усыпила бдительность вымогателя, заверив его, что готова откупиться, сама же обратилась к правозащитникам. Задерживали Лаптева сотрудники Управления по борьбе с организованной преступностью. Они нашли в его карманах фальшивое удостоверение полковника ГРУ, шесть паспортов и несколько сберегательных книжек на разные фамилии.

До ареста Лаптева фигуры майора Прохорова в этой истории как будто не существовало. В возбуждении уголовного дела в отношении замполит-торговца людьми изначально было отказано - старший следователь военного следственного отдела по Хабаровскому гарнизону подполковник юстиции Плахотный не увидел события преступления. Затем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по требованию военной прокуратуры несколько раз отменялись в связи с незаконностью и необоснованностью. Правозащитникам пришлось обращаться к главам военной прокуратуры и Следственного комитета. Звонки Сергея Фридинского и Александра Бастрыкина заставили хабаровских блюстителей закона возбудить уголовное дело в отношении предприимчивого офицера. Выяснилось, что доходное дело по сдаче солдат в аренду - так же, как и знакомство с Лаптевым, - перешло к Прохорову по наследству от его предшественника на посту заместителя командира по воспитательной работе. На суде Прохоров говорил, что, по сути, пожалел солдата. Как поется в песне, «у солдата нелегкая служба», вот майор и отправил парня в «отпуск». О том, что эта жалость противоречит Уставу Внутренней службы и нарушает закон, замполит не задумался, даже попав под следствие. Наверное, потому, что за много лет использование солдат не по назначению стало нормой.

Геннадия Прохорова признали виновным в превышении должностных полномочий. Суд учел болезненное состояние майора (сахарный диабет), приговорив его к одному году лишения свободы в колонии-поселении.

Если журналисты, следившие за процессом, были удивлены таким не-

Правозащитники
уверены, что они
изменили свое мнение
не без вмешательства
Лаптева. Теперь
сослуживцам Зиборова
грозит уголовная
ответственность за
заведомо ложные
показания по ст. 307.

большим сроком, то правозащитники, напротив, удовлетворены. Председатель Хабаровского правозащитного центра Павел Шмаков, представляющий интересы Зиборова при поддержке Фонда «Общественный вердикт», после приговора сказал, что подобные дела если и доходят до суда, то приговор редко бывает связан с лишением свободы. Чаще должностное лицо обяжут выплатить штраф. Сам подсудимый заявил, что обвинение надуманно. Но в то же время в Хабаровском крае прошло несколько громких процессов по делам, связанным с различными преступлениями военнослужащих. За махинации и кражи в особо крупных размерах офицеры получили по пять-семь лет лишения свободы. И Прохоров, поначалу желавший обжаловать решение суда, передумал.

Тем временем Константину Лаптеву было предъявлено обвинение в вымогательстве - это статья 163 часть 2 Уго-

ловного кодекса. Уличить его в использовании рабского труда (ст. 127.1 УК РФ) не удалось. Оказалось, что скромный фотограф имеет большое влияние не только на обычных солдат - очевидцев этой длинной истории, - но и на высокопоставленных чиновников. Иначе чем можно объяснить следующий факт: Хабаровский Комитет солдатских матерей передал в краевую прокуратуру многочисленные заявления людей, видевших, как на дачах Лаптева работали солдаты с конца 1990-х годов. Однако основные свидетели - Гавриков и Патраков (первый, кстати, был одноклассником Зиборова) - впоследствии отказались от своих показаний. Правозащитники уверены, что они изменили свое мнение не без вмешательства Лаптева. Теперь сослуживцам Зиборова грозит уголовная ответственность за заведомо ложные показания по ст. 307.

Правозащитникам пришлось самостоятельно искать ответы на вопросы, которыми, по сути, должно было задаться следствие. Удалось раскрыть хитроумную схему, которую, судя по всему, придумал, опробовал и активно использовал Лаптев. Бизнесмен выбирал себе солдата из богатого ассортимента воинской части - время, проводимое за психологическими тестами и фотографированием, не проходило зря. Затем, используя знакомство с офицерами, покупатель устраивал так, чтобы выбранного молодого человека комиссовали по причине, например, душевного заболевания - разумеется, ложного. Получив «покупку» на руки, Лаптев забирал все документы пленника - якобы для того, чтобы выправить новые, по которым парень будет здоровым и демобилизовавшимся. Но за это живой

Одна из проблем, которые мешали работать по делу Прохорова-Зиборова – это препоны, которые строило военное командование. Была видна заинтересованность, нежелание выносить внутренние отношения на публику. Дело Зиборова не изменило количество людей, пострадавших от армейских командиров и обращающихся за помощью в нашу организацию и в Комитет солдатских матерей. Люди и раньше знали, куда идти с такими проблемами. Но решение суда по делу Прохорова можно назвать прецедентным: впервые должностное лицо получило реальный срок.

Павел Шмаков,

адвокат, директор Хабаровского краевого правозащитного центра

товар должен отработать на Лаптева срок, который ему остается до дембеля, и еще сверхсрочно – по желанию хозяина. Без паспорта, без военного билета, являясь фактически нелегалом, молодой человек попадал в безвыходное положение. Он обязан выполнять распоряжения хозяина, не может ни сбежать, ни пожаловаться – ведь согласившись на фиктивное освобождение от службы, он и сам становился преступником. Хабаровские правозащитники считают, что в то время, пока Лаптев сидит в СИЗО, в его квартире живет очередной пленник. Когда хозяина взяли, никому не пришло в голову проверить его жилище. Позже следствию не понадобилось осматривать квартиру, не заинтересовался этим и суд. А требовать подобных мероприятий адвокат Зиборова не может по закону - не в его компетенции. Так свидетель, который мог бы рассказать о Лаптеве как о рабовладельце, остался невостребованным.

Также представители Саши Зиборова уверены, что Лаптев продолжает контролировать ситуацию, находясь в СИЗО. На суде лжепредприниматель ведет себя развязно, всем своим видом

давая понять, что не только не боится наказания, но и не принимает всерьез возможность правосудия. Он дословно цитирует заявления Александра и его матери; не скрывая, говорит о том, что

Имеет место серьезная утечка информации из правоохранительных органов. Как иначе данные, предоставляемые исключительно органам следствия или по запросу суда, попадают к человеку, находящемуся под стражей?

располагает распечаткой телефонных разговоров и sms Зиборовых и вообще отлично осведомлен обо всем, что происходит за дверью его камеры - в част-

ности, в тиши некоторых кабинетов. Очевидно, что имеет место серьезная утечка информации из правоохранительных органов. Как иначе данные, предоставляемые исключительно органам следствия или по запросу суда, попадают к человеку, находящемуся под стражей? Такие вопросы задают только представители Зиборова, и они остаются без ответа. Но если принять во внимание компетентность Лаптева в вопросах прогресса, можно предположить, что фото, видео и прочая небытовая техника (особая страсть обвиняемого) была использована не только для легального бизнеса фотографа, но и для шантажа крупных чинов.

Когда этот материал уже будет опубликован, в Хабаровском крае состоятся последние заседания по делу фотографа-рабовладельца. Представитель солдата Зиборова, который стал первым, кто рассказал о ставшей привычной практике по сдаче людей в аренду, готов предоставить суду серьезные доказательства виновности Лаптева. Павел Шмаков попросил не раскрывать всех козырей, но они должны, наконец, прикрыть эту «лавочку», этот «армейский магазин».

Обычно нам трудно добиться того, чтобы военная прокуратура возбудила дело. В случае с Прохоровым по уже подтвержденным фактам отказывался работать военный следственный отдел. Следователь Плахотный отказывал в возбуждении уголовного дела четыре раза. Такое впечатление, что те люди, которые должны добывать доказательства, просто не желали работать. Сейчас, имея на руках вступивший в силу приговор майору Прохорову, есть мысль привлечь к ответственности должностных лиц, оказывавших противодействие правосудию.

Валентина Решеткина,
председатель Хабаровского краевого движения «Комитет солдатских матерей»

«Ты попал не в милицию...»

**Максим Бондарь, независимый журналист, Приморский край,
специально для Информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»**

С таких слов начался настоящий ад для задержанного якобы за угон машины Евгения Шишова. Оперативники Корякского поселкового отделения милиции Камчатского края несколько часов выбивали из мужчины признательные показания.

Ранним утром 4 ноября 2007 года к 29-летнему Евгению вдруг нагрянули милиционеры. Громко и эффектно, как умеют только бравые оперативники, вломилась в квартиру и без всяких объяснений схватили ничего не понимающего испуганного мужчину. Перекидываясь матерными словами, потащили его в машину. И через несколько минут Шишов уже находился в Корякском поселковом отделении милиции. Только тут стражи порядка соизволили объяснить, в чем дело. Опять же в своей непередаваемой манере. С места в карьер Евгению предложили – нет, приказали! – сознаться в преступлении, в котором задержанный не был виноват ни сном ни духом. Поняв, что на испуг мужчину не возьмешь, один из милиционеров поинтересовался:

- Ты хоть знаешь, куда ты попал?

Евгений, заикаясь от страха, полуответил-полуспросил:

- В отдел милиции?!

Опер с издевкой проговорил:

- Нет, ты попал в Корякское гестапо.

Корякское гестапо

В подтверждение своих слов он достал из-под стола... бейсбольную битку. Все, что произошло дальше, напоминает сцену из какого-нибудь дешевенького голливудского фильма о чикагской мафии и их способах обработки «клиентов». Милиционер с остервенением набросился на Евгения и принялся избивать его. Убедившись, что задержанный уже без сознания, опер остановился.

- Но через какое-то время я пришел в себя, - с ужасом вспоминает те минуты Шишов. - Избивавший меня милиционер беседовал со своим напарником. Причем явно угрожал ему. Из разговора мне стало понятно, что напарник доказывал ему мою непричастность к преступлению.

Но опер-изувер был непреклонен:

- Давай я сейчас отпущу Шишова, - шипел он. - С твоей же подачи мы его сюда притащили. Ты понимаешь, какие

проблемы у тебя будут?! Сам будешь пояснять, за что мы невиновного избili! Хочешь этого?! Нет?! Тогда заткнись и не мешай работать.

Тут, заметив, что Евгений пришел в себя, милиционеры вышли в коридор. Там, видимо, убеждение продолжилось, так как, вернувшись, первый с победным видом подскочил к Шишову и вновь ударил его. На этот раз по голове ногой... После этого сознание уже надолго его покинуло.

Очнулся он лишь тогда, когда его перетаскивали из кабинета в камеру. Слабеющим голосом Евгений попросил

вызвать ему врача. Разбитая голова нестерпимо болела, кровь не останавливалась. Но опера ответили:

- Перебьешься...

- Ночью меня перевезли в городское отделение Елизово, - рассказывает Шишов. - Там меня долго держали в каком-то кабинете, опять же игнорируя мои просьбы оказать медицинскую помощь. Не дали даже глотка воды. Через какое-то время меня перетащили в холодную камеру без света. Не знаю, как я дотянул до утра...

Но следующий день не принес ничего нового. Мужчину перевезли в другое отделение. На этот раз – аж в Петропавловск-Камчатский. Как оказалось, к новым мучителям. Видя абсолютно беспомощное состояние задержанного, местные опера потребовали от него подписать явку с повинной. Евгений какое-то время еще держался, но когда милиционеры стали хватать его за развороченную челюсть, причиняя ему безумную боль, он сломался.

- Трудно объяснить мое тогдашнее состояние, - содрогается Шишов. - Просто я дошел до грани. Я уже был не в силах терпеть эти пытки. Казалось, что я умираю. Слово в тумане, я написал все, что требовали от меня опера. Потом я опять отключился...

Пробуждение в этот раз для Евгения было более приятным. Над ним склонилось озабоченное лицо врача скорой помощи. Наконец-то мужчину везли в

- Трудно объяснить мое тогдашнее состояние, - содрогается Шишов. - Просто я дошел до грани. Я уже был не в силах терпеть эти пытки. Казалось, что я умираю. Слово в тумане, я написал все, что требовали от меня опера. Потом я опять отключился...

Главврач больницы настаивает на том, чтобы Шишова оставили в отделении, так как состояние его ухудшается. Но Евгения отправляют обратно в камеру, а на следующий день суд удовлетворяет ходатайство следователя о заключении Шишова под стражу.

Синдром безграничной власти

В советское время детям говорили: «Заблудишься – иди к дяде милиционеру. Он добрый». Теперь родители, отпуская свое чадо, нередко наставляют: «Не попадайся милиционерам. Изобьют и имени не спросят». К сожалению, такое случается. Что же изменилось и где, если мы стали относиться к людям в серой форме с опаской, в лучшем случае – с недоверием? Вы скажете: «Времена меняются, а с ними и все остальное». И в чем-то будете правы. Если раньше парни шли в МВД с благородной целью «охранять на наших улицах покой», то теперь у них – желание получить власть. Власть... Безнаказанную, но наказывающую, стоящую выше всяких законов...

В этой истории на самом деле абсолютно не важно, виновен или нет Евгений Шишов. Это решать не нам с вами. Важно другое: до проведения так называемых «следственных действий» мужчина был вполне здоров, а после – даже не смог самостоятельно передвигаться. На протяжении нескольких дней оказывающему от ран мужчине не оказывали помощь. А когда он попытался добиться справедливости, ему и в этом отказали. Это законно?

На этот резонный вопрос любой человек, живущий в правовом государстве, однозначно ответит: нет. Ведь что бы ни совершил задержанный, это не лишает его прав. Даже после того как суд выносит свой приговор и признает: да, человек – преступник, заключенный теряет часть своих прав, но сохраняет право на жизнь и оказание ему медицинской помощи.

Кто-то из милицейских чинов, читая этот материал, возразит: у нас, мол, отчетность, надо раскрыть столько-то, а времени, пока человек созреет для признания, в обрез, так что все средства хороши. Но не ставит ли это сотрудников правоохранительных органов на одну доску с преступниками? Да и не в отчетности дело. Дело в страхе. В страхе потерять власть, за которую так отчаянно цепляются многие...

больницу. Хоть и зачем-то в наручниках, но все же везли туда, где должны оказать помощь.

Шишова доставили в местную городскую травматологию. После осмотра врач принял решение: срочно госпитализировать. Состояние мужчины оценивалось как крайне тяжелое. Травматолог зафиксировал закрытую черепно-мозговую травму, перелом челюсти, сильные ушибы грудной клетки и левого локтя, а также множественные гематомы на спине.

Милиционеры, выслушав врача, заявили... что забирают пациента. Мол, они провели еще не все следственные действия, а с задержанным ничего не случится. Травматолог попытался возразить, но стражи порядка, не слушая его, погрузили Шишова в машину и вновь отвезли в городское УВД.

Там задержанного, на тот момент уже ничего не осознававшего, вновь допрашивали. На этот раз следователи. И опять же, видя плачевное состояние Евгения, оставались слепы и вели допрос как ни в чем не бывало.

- Все проводимые со мной действия я помню с трудом, - говорит Шишов. – Какими-то обрывками.

многострадальному супругу так необходимо ему медицинскую помощь. И – о, чудо! – следователь идет на уступки. Он соглашается отправить Шишова на лечение, но при одном условии. Только после проведения очной ставки. Женщина соглашается.

8 ноября мужчине, наконец, оказывают первую помощь. Главврач больницы настаивает на том, чтобы Шишова оставили в отделении, так как состояние его ухудшается. Но Евгения отправляют обратно в камеру, а на следующий день суд удовлетворяет ходатайство следователя о заключении Шишова под стражу.

Лишь после этого суда задержанному удается обратиться к прокурору Камчатского края с просьбой провести проверку по факту причинения ему тяжких телесных повреждений. Проверку проводит местное следственное управление, и по ее результатам выносит постановление... об отказе в возбуждении уголовного дела. Впоследствии такие постановления выносились еще не раз. Тогда Шишов обратился в «Камчатскую правозащитную организацию по контролю за деятельностью должностных лиц и защите прав человека» и Фонд «Общественный вердикт». Фонд оказывает юридическую консультационную помощь представителю Шишова в подготовке жалоб и обращений в соответствующие правоохранительные органы.

И только когда представители потерпевшей стороны пожаловались депутату Государственной Думы, дело возбудили. Но вели его следователи местного ОВД и потихоньку «спустили на тормозах». Ни Шишов, ни его представитель очередного постановления не получили. И поэтому теперь они лишены даже права обжаловать его.

Самый гуманный суд в мире

И вот 7 ноября следователь ходатайствует перед местным судом о заключении Евгения Шишова под стражу. При этом, конечно же, никаких справок о состоянии здоровья задержанного суду не предоставляет. Хотя судье достаточно было лишь взглянуть на Шишова, чтобы сразу все понять без заключения врача. Но, как и у следователей, у судьи, видимо, также проблемы со зрением.

Евгения под руки в зал суда вводит конвой. Самостоятельно передвигаться он уже давно не в силах. Судья, выслушав ходатайство следователя, принимает решение... продлить срок задержания еще на 48 часов. Шишова вновь вводят.

В это время жена задержанного умоляет следователей предоставить ее

Ведь что бы ни совершил задержанный, это не лишает его прав. Даже после того как суд выносит свой приговор и признает: да, человек – преступник, заключенный теряет часть своих прав, но сохраняет право на жизнь и оказание ему медицинской помощи.

Наши партнеры

Межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток»

603 000, г. Нижний Новгород,
улица Грузинская, дом 7 «Б»
Тел. (831) 433-14-04
e-mail: komitet@pytkam.net
www.pytkam.net

Республиканская общественная организация «Человек и закон»

Республика Марий Эл
424000, Йошкар-Ола,
Ул. Анциферова, д.4
тел.: (8362) 41-81-52
e-mail: manandlaw@mail.ru

Южно-Сибирский правозащитный центр

654000, г. Новокузнецк,
ул. Кирова 7-144
Тел. (3843) 330023, факс 744-112
e-mail: pravo@hrsiberia.org
www.hrsiberia.org

Рязанское Общество «Мемориал»

390044, г. Рязань,
ул. Ветеринарная, д. 17
Тел. (4912) 30-08-50
e-mail: andy@hro.org
http://hro.org/ngo/memorial

Читинский правозащитный центр

Тел.: +7 (3022) 26 – 23 – 23
e-mail: Chita-Pravo@narod.ru
www.chita-pravo.narod.ru

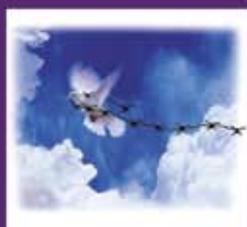
Коми правозащитная комиссия «Мемориал»

Республика Коми
167004, г. Сыктывкар,
ул. Орджоникидзе дом 49 «А», каб. 610
Тел.: (8-8212) 21-43-16
e-mail: kpkmemorial@pochta.ru
www.memorial-komi.org

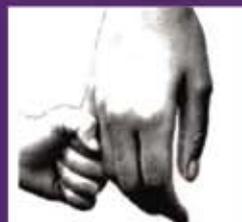
Новороссийский комитет по правам человека

353991, г. Новороссийск, п. Гайдук,
ул. Ясельная, д.4, кв. 41,
Телефон/факс -(8617) 268-245,
aprutina67@yahoo.com,
http://www.hro.org/ngo/nov/index.php

МОО «Матери в защиту прав задержанных, подсудимых и осужденных»

350051, г. Краснодар,
ул. Офицерская, 35, к. 9
тел/факс: (861)225-20-12
e-mail: rudakova2002@mail.ru
www.kuban-justice.ru

Красноярский общественный комитет по защите прав человека

660075, г. Красноярск,
ул. Маерчака, д. 6 к. 319.
т. (3912) 21 05 85
anazarov61@mail.ru

Пермский региональный правозащитный центр

614006, г. Пермь.,
ул. Сибирская, 19,
т/ф. (342) 212-21-84
e-mail: center@prpc.ru
http://www.prpc.ru/

Межрегиональная правозащитная общественная организация «Комитет 29»

655017, Республика Хакасия,
г. Абакан, ул. Вяткина 39, офис 307.
Тел. 8 (3902) 22-27-50,
e-mail: komitet29@mail.ru
http://www.comitet29.com/

Наши учредители:

- Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева);
- Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»;
- Московская Хельсинкская группа;
- МОО «Открытая Россия»;
- Фонд «Регионы России».

Фонд «Общественный вердикт»

Россия, 107023, Москва, Мажоров пер., 7 «а»
Тел. (499) 785-09-68
Факс (499) 785-09-91
E-mail: info@publicverdict.org
www.publicverdict.org

Что такое «Общественный вердикт»?

Фонд «Общественный вердикт» создан в феврале 2004 года и действует как неполитическая некоммерческая организация, оказывающая правовую помощь по защите прав человека гражданам, пострадавшим от неправомерных действий российских правоохранительных органов.

Среди учредителей фонда – известные российские правозащитные и благотворительные организации – Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»; Московская Хельсинкская группа; МОО «Открытая Россия»; Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева); Фонд «Регионы России».

Целью фонда является формирование в стране атмосферы нетерпимости к практике нарушения прав человека правоохранительными органами. Фонд добивается создания гражданского контроля за их деятельностью.

Фонд оперативно информирует общественность обо всех установленных фактах нарушений прав человека.

Наталья Таубина, директор Фонда «Общественный вердикт»:

– Мы стремимся помочь людям защитить свои права, хотим, чтобы и граждане, и власть руководствовались нормами закона, а такое понятие, как «произвол» стало бы употребляться в качестве характеристики российской действительности как можно реже.

Как работает Фонд «Общественный вердикт»?

- Основным принципом работы Фонда «Общественный вердикт» является принцип открытости.
- Фонд «Общественный вердикт» оказывает правовую и информационную поддержку в деле восстановления прав граждан и организаций, нарушенных правоохранительными органами.
- Содействует правоохранительным органам в предупреждении и пресечении нарушений прав и свобод человека.
- Важным направлением деятельности Фонда является развитие и поддержка региональных партнерских правозащитных организаций.
- Фонд занимается просветительской и аналитической деятельностью, привлекает авторитетные социологические и исследовательские организации для проведения профильных исследований. Разрабатывает рекомендации по совершенствованию правоохранительной системы РФ, организует их обсуждение с участием представителей госорганов и общественных организаций. Проводит общественные и медийные кампании.
- Фонд способствует продвижению международных стандартов прав и свобод человека в Российской Федерации, а также содействует эффективному использованию на национальном уровне международных механизмов защиты прав и свобод человека.

На помощь со стороны Фонда могут рассчитывать граждане России, чьи права и свободы были незаконно нарушены правоохранительными органами.

